

Белая лебедушка

*Русские Волшебные Сказки.
Обработка И. Карнаухова*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
Республиканское издательство
детской и юношеской литературы
«ЛИЦЕ Й»
1991

Издание подготовлено совместно
с Ассоциацией творческой интеллигенции
«МИР КУЛЬТУРЫ»
Балтийский филиал

Рисунки Б. Забирохина

ЖИНИСТ. ЯСЕН СОКОЛ

некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик со старухой. И было у них три дочери. Старшая и так и сяк, средняя собой пригожая, а младшая умница-разумница и такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать: брови соболиные, очи соколиные, русая коса до пояса.

Вот собрался раз старик на ярмарку. Позвал он дочерей и говорит:

— Дочери мои любимые, хорошие да пригожие, что вам на ярмарке купить?

Старшая дочь говорит:

— Купи мне, батюшка, сарафан шёлку лазоревого, да такой, чтобы соседские девки от злости сохнули.

Средняя говорит:

— Купи мне, батюшка, бусы дорогие, да такие, чтобы подруженьки с зависти лопнули.

— А тебе что купить, меньшуха моя любимая?

— А купи мне, батюшка, аленький цветочек, да краше которого нету на белом свете.

Подивился старик, покачал головой, да делать нечего.

Вот поехал старик на ярмарку, купил сарафан шёлку лазоревого, купил бусы золотые, а аленького цветочка нет как нет.

Выехал он за околицу.

Вдруг видит — идет навстречу старичок седенький, армячок серенький, а в руках у него цветочек аленький, да краше которого нет на свете.

Вот отец и говорит:

— Не продашь ли, дедушка, цветочек аленький?

— Не продажный он, а заветный.

— А какой на нём завет?

— Вот если дочь твоя пойдёт замуж за сына моего Финиста — ясна сокола, бери цветок, а нет — проезжай мимо.

— Ну, неволить дочку не буду, а по сердцу будет — перечить не стану.

Отдал ему старичок цветок и как сквозь землю провалился.

Вот приехал отец домой, отдал дочерям сарафан шёлку лазоревого, отдал бусы золочёные, а младшей дочери и говорит:

— Не люб мне цветочек твой аленький. Я за него тебя замуж посулил неведомо за кого — за Финиста — ясна сокола.

— Ничего, — говорит, — батюшка. Я Финиста — ясна сокола давно знаю, у подруг в гостях с ним не раз встречалась.

Взяла девица аленький цветочек и к себе в горницу убежала:

Поставила цветочек на окошко, распахнула ставеньки и говорит:

— Полно тебе, Финист — ясен сокол, по поднебесью летать, скучно мне без тебя, красной девице.

Откуда ни возьмись, влетел в окно сокол, о пол грянулся, добрым молодцем стал.

А как улетел обратно, дал ей пёрышко из левого крыла.

— Чего, — говорит, — захочешь, моя любушка, в правую сторону пёрышком взмахни — всё тебе явится, в левую взмахнёшь — всё спрячется.

Вот настало воскресенье.

Стали старшие сёстры в гости к соседям собираться. Наряжаются в сарафаны нарядные, достают платки новые, надевают бусы золочёные да над младшей сестрой посмеиваются.

— А ты, умница-разумница, что наденешь?! У тебя и обновок-то нету! Сиди дома со своим цветочком аленьким!

— Ничего, — говорит, — сестрички, мне и дома хорошо.

Только сёстры из дому ушли, побежала девица в свою светёлку, открыла окошечко, махнула пёрышком в правую сторону.

Отколе ни возьмись, подскакала карета золочёная, в три пары лошадей запряжённая, выскочили слуги проворные, одели её, на пир к соседям повезли. А гости на пиру есть-пить перестали, все на неё смотрят, дивуются...

— Откуда эта царевна заморская?!

Чуть праздник кончился, села девица в карету золочёную — только её и видели.

Домой приехала, в левую сторону пёрышком махнула.

Всё из глаз пропало. Села у окошечка в пестрядинном сарафанчике, в пальцах шьёт, нитку к нитке кладёт.

Прибежали сёстры, стали рассказывать ей:

— Была у соседей царевна заморская, красоты неописанной, одежды невиданной. А ты, дуручка, дома сидела, ничего не видела.

— Ничего, — говорит, — сестрички, вы так хорошо рассказываете, будто я сама всё видела.

Вот и второе, и третье воскресенье так велось. А на четвёртое воскресенье, как стала девица раздеваться, забыла из косы бриллиантовую булавку вынуть. Стали ей сёстры про царевну заморскую рассказывать, да одна и заметила:

— Что это у тебя, сестричка, булавка в косе точь-в-точь, как у заморской царевны была?

Ничего им девица не ответила, покраснелась, к себе в светёлку убежала.

Только стали с той поры сёстры подсматривать, стали сёстры подслушивать и увидали, как на вечерней заре к ней сокол в окно влетел. Вот и задумали они недоброе. Знать, сердца у них были злые и завистливые.

Вот раз вечером распахнула девица ставень и поставила на окошко цветочек аленький, а сама прилегла на лавку да и заснула крепко-накрепко.

Тут злые сёстры воткнули в окне ножи острые крест-накрест, а подоконник иголками утыкали.

Прилетел Финист — ясен сокол, на ножи наткнулся, грудь себе изранил, крылышки подрезал, ножки искровянил.

— Прощай, — говорит, — красная девица! Спасибо тебе за любовь твою! Всю грудь мне изранила, крылья подрезала, сердце искровянила. Улечу я теперь за триде-

вять земель в тридесятое царство, в далёкое государство. Пожалеешь, покаешься, да поздно будет. Не найти тебе Финиста — ясна сокола, не вернуть тебе любви моей. Разве три пары сапог железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три хлеба каменных изложешь.

Застонал он тут стоном страшным, и на стон его по всему городу колокола медные пооткликнулись. Проснулась девица, видит — нет около неё Финиста — ясна сокола. Ставеньки растворены, торчат на окне ножи острые крест-накрест, и каплет с них кровь горячая прямо на цветочек аленький, а пёрышками всё окно усеяно — его пёрышки радужные.

Что тут делать?

Заплакала девица, пошла к кузнецу, в пояс ему поклонилась, приказала ему три пары сапог железных, три посоха чугунных исковать, взяла три хлеба каменных и в путь отправилась.

Уж не раз заря занималась, росами медвяными умывалась, облаками облачалась, звёздами застёгивалась, а девица всё идёт, всё идёт, а лес всё чернее, всё гуще, верхушками в небо вьётся.

Вдруг глядит — стоит избушка на курьих ножках, туда-сюда поворачивается.

— Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом: мне в тебя лезть и хлеба есть.

Повернулась к ней избушка передом; вошла в неё девица, а там Баба Яга лежит на печи, на девятом кирпиче.

— Фу-фу-фу, — говорит, — раньше русского духу было слыхом не слышать, видом не видать, а теперь русский дух по свету шляется, в нос бросается.

Поклонилась ей девица низёхонько, рассказала ей всё скромнёхонько.

Ну, Баба Яга её пожалела, накормила, напоила и спать уложила. А утром рано-ранёшенько разбудила и дала ей подарочек — золотое блюдечко, серебряное яблочко.

— Иди, — говорит, — к моей старшей сестре; она по Руси летает, больше меня знает. Может, она тебе путь укажет.

И пошла девица дальше.

Она день идёт и другой идёт. Она год бредёт и другой бредёт, а лес всё темней, всё гуще, верхушками в небо вьётся.

Уже вторую пару сапог железных истоптала, второй посох чугунный изломала, второй хлеб каменный изглодала.

Вдруг видит: стоит избушка на курьих ножках, туда-сюда поворачивается.

— Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом: мне в тебя лезть и хлеба есть.

Повернулась к ней избушка дверью; вошла в неё девица и ахнула. Лежит там Баба Яга — костяная нога в углу на печи, на девятом кирпиче, правое ухо под себя положила, левым покрылась, а нос в потолок врос.

— Фу-фу-фу, — говорит, — что это такое? Раньше русского духу было слыхом не слышать, видом не видать, а теперь русский дух по свету шляется, в нос бросается. Ты что, девица? От дела лытаешь али дело пытаешь?

Поклонилась ей девица низёхонько, рассказала ей всё скромнёхонько.

Ну, Баба Яга её пожалела, накормила, напоила и спать положила. А наутро разбудила и дала ей два подарочка: серебряное пялечко с золотой иголочкой да хрустальный молоток и бриллиантовые гвоздики.

— Иди, — говорит, — к моей старшей сестре; она по всему свету летает, все страсти-напасти знает, может, она тебе путь укажет.

И пошла девица дальше.

Идёт она через леса дремучие, через пески зыбучие, через долины широкие, через потоки глубокие. Она год идёт и другой бредёт. Уже третью пару сапог железных истоптала, три посоха чугуновых изломала, три хлебца каменных изглодала. Забрела в лес дремучий. И пути-дороги не видно, и спросить некого. Только кукушка кукует лесная, бездомная.

— Сестрица моя, сестрица, серая птица, тебе век куковать, а мне горе горевать, по лесам скитаться, слезами умываться, Финиста — ясна сокола искать.

Вдруг слышит — земля дрожит, ходуном ходит. Баба Яга в ступе летит, пестом погоняет, помелом след замечает. Увидела девицу, оземь грохнула, громким голосом крикнула:

— Ты что в моём лесу делаешь? От дела лытаешь али дело пытаешь?

Поклонилась ей девица низёхонько, рассказала ей всё скромнёхонько.

— Пять лет я шла, пять царств прошла, на этом месте все царства кончаются.

Ну, Баба Яга — костяная нога её пожалела и говорит:

— Знаю я Финиста — ясна сокола, он сейчас на заморской царевне жениться собирается. Иди, девица, не мешкай, ног не жалея, костей не береги; вот тебе клубочек маленький — брось его на дорогу: куда клубочек мой покатится, туда и путь держи.

Обрадовалась девица, Бабе Яге — костяной ноге в пояс поклонилась и в путь отправилась.

Бросила клубочек наземь; клубочек катится, лес расступается, девица вслед идёт. А лес всё реже и реже, вот и море синее, раздольное, а над ним, как жар, горят золотые

Села девица у синего моря, стала серебряным яблочком по золотому блюдечку покручивать. В правую сторону повернёт, а на блюдечке все города заморские видны; в левую сторону повернёт, а на блюдечке все звери заморские видны. Собрался народ, дивуется. Вышла и царевна из дворца с мамушками да с нянюшками, с прислугою да служанками. Стала блюдечко да яблочко торговать. Ничего не хочет девица — ни серебра, ни золота.

«Пусти да пусти с Финистом — ясным соколом час перебыть».

Рассердилась царевна, а забаву хочется. Побежала она к Финисту — ясну соколу, приласкала его, приголубила да в волосы ему волшебную булавку и засунула. Заснул Финист — ясный сокол непробудным сном. Тут она к нему девицу и пустила.

Плачет над ним девица, убивается:

— Проснись, Финист — ясен сокол, я для тебя три пары сапог железных истоптала, три посоха чугуновых изломала, три хлеба каменных изгрызла. Проснись, Финист — ясен сокол!

Спит Финист — ясен сокол непробудным сном. А час прошёл — царевна девицу из горницы выгнала.

Ну, на другой день села девица у синего моря, серебряные пальцы держит; золотая иголочка сама вышивает, нитку к нитке кладёт. Стоит народ, дивуется. Вышла и царевна заморская с мамушками да нянюшками, со служанками. Стала забаву торговать. Ничего не хочет девица. Ни серебра, ни золота, ни скатного жемчуга.

«Пусти да пусти с Финистом — ясным соколом вечер перебыть».

Рассердилась царица, ножкой топнула, ручкой хлопнула, а забаву-то хочется. Побежала к Финисту — ясному соколу, приласкала его, приголубила, в волосы волшебную булавку засунула. Заснул Финист — ясен сокол непробудным сном. Плачет над ним девица, убивается:

— Проснись, Финист — ясен сокол, я для тебя через леса прошла дремучие, через пески зыбучие, через долины широкие, через потоки глубокие. Проснись, Финист — ясен сокол, желанный мой!

Спит Финист — ясен сокол непробудным сном. А вечер кончился — царица девицу из горницы выгнала.

На другой день села девица у синего моря, стала хрустальным молоточком по бриллиантовым гвоздикам поколачивать. Звон весёлый пошёл по всему городу. Народ собрался — дивуется. Ноги на месте не стоят, сердце в пляс зовёт. Вышла и царица заморская, стала забаву торговать.

Ничего не хочет девица: ни серебра, ни золота, ни скатного жемчуга, ни камней самоцветных.

«Пусти да пусти с Финистом — ясным соколом повидаться».

Рассердилась царица, а забаву-то хочется. Побежала к Финисту — ясному соколу, в волосы ему волшебную булавку засунула. Заснул Финист — ясный сокол непробудным сном.

Плачет над ним девица, убивается:

— Прощай, Финист — ясный сокол! Всё я заморской царице отдала, ничего у меня не осталось. Нашла я тебя, да в недобрый час, живого, а словно мёртвого. Прощай, Финист — ясен сокол, желанный мой!

Стала она с ним прощаться и уронила ему на глаза слезу солёную. Знать, слеза та была жгучая. Проснулся Финист — ясен сокол, узнал девицу, брал её за руки белые, целовал в уста сахарные. И собрал он людей рода разного: бояр, крестьян да служилый люд — и велел им думу думать: с какой женой ему век вековать? С той, что его выкупала, или с той, что его продавала? С той ли, что для него леса дремучие, пески зыбучие прошла, три пары сапог железных истоптала, три посоха чугунных изломала, три хлеба каменных изглодала, или с той, что его за забавы отдавала?

Думали люди русские три дня и три ночи, а потом в пушку выпалили и решили: быть ему с той женой, которая его выкупала, а ту, которая его продавала, вон из царства прогнать. Так и сделали.

Был там пир на весь мир. Я на том пиру была, мёд и пиво пила, по подбородку текло, а в рот не попало.

МАРЬЯ МОРЕВНА

некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатырь Фёдор Тугарин; были у него три сестры красавицы: Марья-девица, Ольга-девица и Анна-девица.

Отец и мать у них умерли; умирая, сыну наказывали:

— Кто первый за твоих сестёр станет свататься — за того и отдавай, при себе не держи долго.

Раз пошёл Фёдор Тугарин с сёстрами во зелёный сад погулять; вдруг нашла на него туча чёрная, стала над садом гроза страшная.

— Пойдёмте, сестрицы, скорее домой, — говорит Фёдор Тугарин.

Только пришли в избу, как грянул гром, раздвоился потолок и влетел к ним в горницу ясен сокол; ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

— Здравствуй, Фёдор Тугарин, я не гостем к тебе

прилетел, а сватом: хочу у тебя сестрицу Марью-девицу посватать.

— Если люб ты сестрице, Марье-девице, я её не уни-
маю, пусть за тебя идёт.

Марья-девица согласилась; сокол женился и унёс её
в своё царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого
года как не бывало.

Раз поехал Фёдор Тугарин с сёстрами-девицами на
охоту, затравил красного зверя; вдруг ударил гром, рас-
палилось небо, взлетел орёл... ударился орёл о сырую
землю, сделался добрым молодцем.

— Здравствуй, Фёдор Тугарин, прилетел я к тебе сва-
том, отдай за меня Ольгу-девицу.

— Если ты люб Ольге-девице, пусть за тебя идёт,
я с неё воли не снимаю.

Вышла Ольга-девица за орла замуж, и унёс он её
в своё царство.

А тут налетел и чёрный ворон, забрал замуж Анну-
девицу. Остался Фёдор Тугарин один-одинёшенек.

Скучно стало ему в родимом дому, сел он на доброго
коня и поехал себе счастья искать.

Вот едет-едет и наехал на бранное поле; лежит на поле
чужая рать — сила побитая. Русских богатырей на поле
мёртвых нет.

Крикнул Фёдор Тугарин:

— Коли есть тут жив человек, отзовись! Кто побил это
войско великое?

Отозвался ему жив человек:

— Всё это войско великое побила Марья Моревна,
прекрасная королевна.

Удивился Фёдор Тугарин; поехал дальше, наехал на

шатры шелковые. Вышла к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева.

— Здравствуй, добрый богатырь, куда тебя конь несёт? По воле или неволей?

Отвечает ей Фёдор Тугарин:

— Добрые молодцы поневоле не ездят.

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Фёдор Тугарин тому и рад; семь ночей в шатрах ночевал, за полным столом пировал, красного зверя бил да песни пел.

Полюбился он Марье Моревне, и взяла она его себе в мужья.

Вот приехали они в её королевство и год прожили и второй провели. Ладно, дружно жили, да вдруг собралась Марья Моревна, прекрасная королева, на войну. Стала она Фёдору Тугарину всё хозяйство сдавать и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай, только в чёрный чулан не заглядывай!

Только Марья Моревна уехала — не стерпела душа у Тугарина: тотчас он бросился в чёрный чулан, отпер дверь, глянул — а там висит на цепях Кашей Бессмертный, на железных крючьях повешен. Просит Кашей у Тугарина:

— Пожалей меня, Фёдор Тугарин: десять лет я здесь мучаюсь, десять лет воды не пил, совсем в горле пересохло.

Фёдор подал ему ведро воды — Кашей за один дух выпил и ещё запросил:

— Мне одним ведром не залить огня, дай ещё!

Фёдор подал другое ведро, Кашей выпил и третье запросил, а как выпил третье ведро — вернулась в не-

го прежняя сила, тряхнул он цепями, все двенадцать порвал.

— Спасибо, Фёдор Тугарин! Не видать тебе Марью Моревну во веки вечные.

Выбил рамы из окон прочь и на волю вылетел; нагнал на дороге Марью Моревну и в своё царство уволок. Горько-горько заплакал Фёдор Тугарин, снарядился и пошёл в путь-дорогу.

— Жив не буду, а отыщу жену любимую.

Вот он день идёт и месяц бредёт, вдруг видит: дуб стоит, на дубу ясный сокол сидит; ударился ясный сокол оземь, сделался добрым молодцем.

— Здравствуй, шурин любезный, Фёдор Тугарин, куда направился?

— Иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву, её Кашей унёс.

— Трудно тебе сыскать её! Дай мне перстень с твоей правой руки, я по перстню знать буду, когда на помощь лететь.

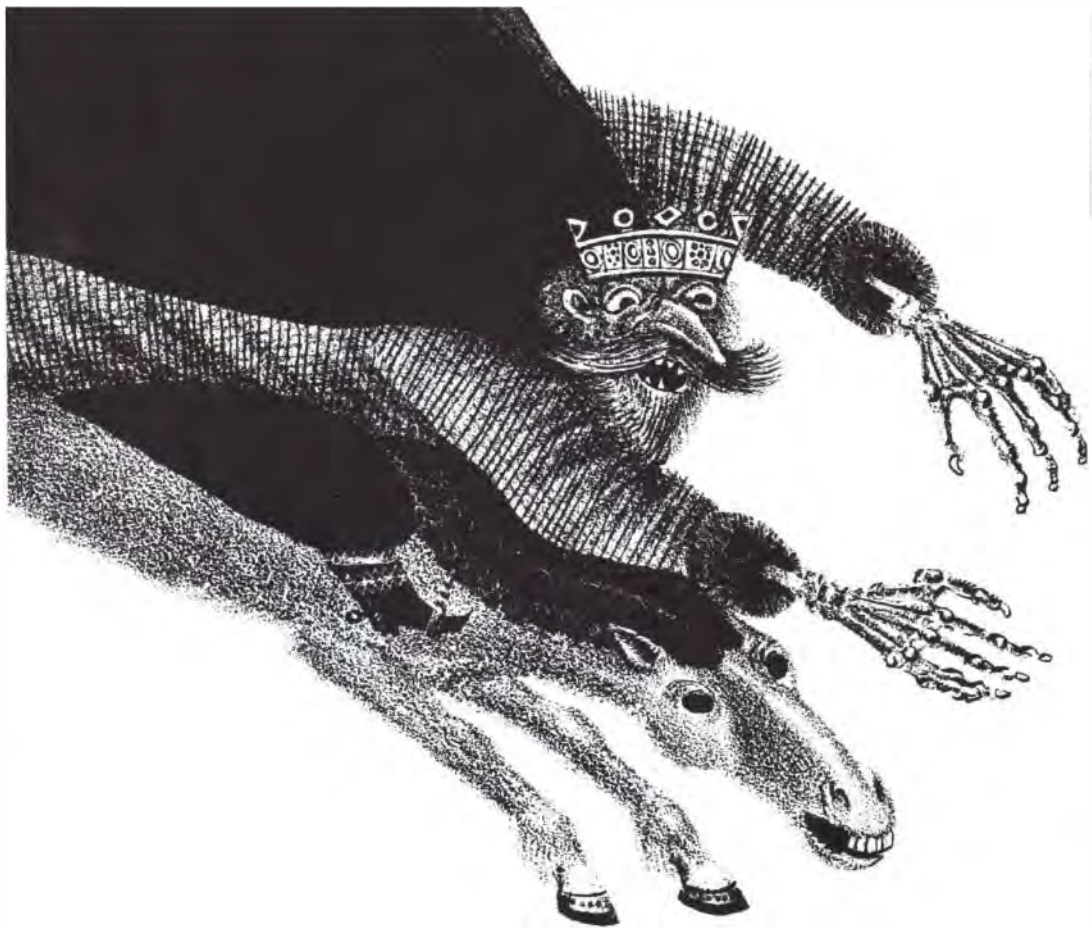
Дал ему Фёдор Тугарин перстень и пошёл дальше; встретил он орла могучего, встретил шурина ворона; дал орлу золотой пояс, дал ворону застёжку серебряную.

Он год шёл и другой шёл, а на третий добрался до Кашеева дворца; в ту пору Кашей на охоте был.

Увидала Марья Моревна любимого друга, бросилась к нему, заплакала.

— Ах, Фёдор Тугарин, любимый муж! Зачем ты меня не послушался? Посмотрел в чулан, выпустил Кашея Бессмертного, страшного врага.

— Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше садись на моего коня, пока не видать Кашея Бессмертного, авось не догонит.

Сели они на быстрого коня, поскакали прочь из Кашеева царства.

Возвращался Кашей к вечеру домой, под ним добрый конь спотыкнулся, на плече сыч встрепенулся.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься али чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

— Фёдор Тугарин Марью Моревну увёз.

— А можно ли их догнать?

— Ещё можно пшеницы засеять, дождаться, пока она вырастет, сжать, смолотить, в муку обратить, пять печей калачей напечь, те калачи поесть, а тогда в погоню ехать — и то поспеём.

Поскакал Кашей, догнал Тугарина, отнял Марию Моревну, домой увёз.

Поплакал-поплакал Фёдор Тугарин и опять воротился назад за Марьей Моревной. Кашея Бессмертного дома не случилось.

— Поедем со мной, Мария Моревна.

— Ах, Фёдор Тугарин, он нас догонит.

— Пускай догонит; мы хоть часок-другой вместе побудем.

Собрались они и уехали.

Вот Кашей домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься?

— Фёдор Тугарин Марью Моревну увёз.

— А можно ли их догнать?

— Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать, смолотить, пива наварить, допьяна напиться, хорошо выспаться да тогда в погоню ехать, и то успеем.

Поскакал Кашей, догнал Фёдора Тугарина, изрубил его в мелкие куски, положил в смоляную бочку, скрепил бочку железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увёз.

В ту пору, в то времечко у зятьёв Фёдора Тугарина серебро почернело.

— Видно, — говорят они, — с шурином беда приключилась.

Полетел орёл на море, поднял сильные ветры; море взволновалось, выкинуло бочку на берег. Схватил сокол бочку, занёсся высоко-высоко за облака, бросил бочку наземь, она упала и разбилась вдребезги. Принёс ворон живой и мёртвой воды, sprыснул Фёдора Тугарина — стал Фёдор жив-здоров.

— Ах, зятя милые, как я долго спал!

— Ещё бы дольше спал, кабы не мы! Пойдём теперь, зятюшка, к нам гостить.

— Нет, братцы милые, я пойду искать Марью Моревну.

— На твоём коне её не увезти! Ступай за тридевять земель, в тридесятое царство. Там за огненной рекой живёт Баба Яга. Есть у неё такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света объезжает. Достань от этой кобылицы жеребёночка, тогда Марью Моревну от Кашея увезёшь; вот тебе, зятюшка, шёлковый платок, махнёшь им в правую сторону — сделается высокий мост, ляжет через огненную реку.

Поблагодарил Фёдор Тугарин зятьёв и в путь отправился. Долго он шёл, не пил, не ел. Попалась ему навстречу птица заморская с малыми детками. Хотел Тугарин съесть цыплёночка. Заплакала заморская птица:

— Не тронь моих деток, Фёдор Тугарин, и я тебе пригожусь.

Пошёл он дальше, видит в лесу улей пчёл.

— Поем-ка я всласть сладкого медку.

А пчелиная матка отзывается:

— Нет, не тронь моего мёду, Фёдор Тугарин, может, и я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

Побрёл он дальше, от голода шатается, вдруг видит: стоит дом Бабы Яги, кругом дома двенадцать железных спиц, на одиннадцати спицах по человеческой голове, а одна спица пустая стоит.

Вышла Баба Яга — костяная нога, зубы острые.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, молодец, зачем пришёл?

— Не возьмёшь ли меня, бабушка, кобылиц пасти?

— Изволь, молодец! У меня ведь не год служить, а всего два дня. Упасёшь моих кобылиц — дам тебе золота, а если нет, то не гневайся: торчат твоей голове на железной спице.

Фёдор Тугарин согласился. Баба Яга его накормила, напоила и велела за дело приниматься.

Только выгнал он кобылиц в поле, они все врозь по углам разбежались, совсем из глаз пропали. Тут он заплакал, запечалился, сел на камень, и его сон сморил.

Проснулся Фёдор Тугарин. Солнышко низко, ночь близко — не видно кобылиц, не слышно.

Что тут делать?

Вдруг прилетела заморская птица.

— Иди домой, Фёдор Тугарин, все кобылицы по стойлам стоят.

Воротился Тугарин домой
кобылиц кричит:

— Ах вы, драные шкуры, зачем вы домой воротились?

— Как же нам было не воротиться?! Налетели птицы со всего света, чуть глаза нам не выклевали.

— Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Ночь переспал Фёдор Тугарин, наутро Баба Яга ему и говорит:

— Смотри, Тугарин, если не упасёшь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на железной спице.

Погнал Фёдор кобылиц в поле, они враз разбежались по дремучим лесам.

Опять сел Тугарин на камень. Плакал-плакал да и уснул.

Вот солнышко село за лес, прилетела пчелиная матка и говорит:

— Проснись, Тугарин, кобылицы все по стойлам стоят. Да как воротишься домой, Бабе Яге на глаза не показывайся. Пойди в конюшню, спрячься за ясли. Есть

у Бабы Яги шелудивый жеребёнок, всё в навозе валяется. Ты бери его и в полночь уезжай домой.

Фёдор Тугарин пробрался в конюшню, за яслями спрятался. Баба Яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем, драные шкуры, домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетело пчёл видимо-невидимо со всего света, стали нас до крови кусать.

Вот Баба Яга заснула, а Фёдор Тугарин нашёл шелудивого жеребёнка, оседлал его, сел и поскакал прочь.

Жеребёнок худенький, ноги тонкие, ноздри рваные, а скачет он, как богатырский конь, луга-поля перебегает, озёра перепрыгивает.

Вот доехали они до огненной реки; вынул шёлковый платок Фёдор Тугарин, махнул в правую сторону — повис через реку высокий железный мост. Проскакал по мосту шелудивый жеребёнок.

Потру пробудилась Баба Яга, стала кобылиц считать — шелудивого жеребёнка нет как нет.

Вскочила Баба Яга в медную ступу, в погоню бросилась. В медной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает. Доскакала она до огненной реки, поскакала она по железному мосту; тут Фёдор Тугарин платком в левую сторону махнул. Подломился железный мост, упала Баба Яга в огненную реку; тут ей, злодейке, и смерть пришла.

А Фёдор Тугарин доскакал до Марьи Моревны, посадил её перед собой на шитое седло и домой отправился.

Кашей Бессмертный домой возвращается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгону?

— Фёдор Тугарин Марью Моревну увёз.

— А можно ли их догнать?

— Не знаю. У Фёдора Тугарина конь — мой старший брат.

— Нет, не утерпит моя душа, — говорит Кашей Бесмертный, — поеду в погоню!

Долго ли, коротко ли, нагнал он Тугарина, соскочил наземь и хотел его острой саблей сечь.

Тут взвился на дыбы шелудивый жеребёнок, ударил копытом Кашея и убил его до смерти.

А Фёдор Тугарин и Марья Моревна поехали в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Зятёвья и сёстры встречали их с радостью:

— Ах, Фёдор Тугарин, уж мы не чаяли тебя повидать. Но не даром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, прекрасная королева, во всём свете поискать, другой не найти!

Погостили они, попиrowали они и поехали к себе домой. И стали жить-поживать, добра наживать и медок попивать.

Белая лебедушка

некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич. Ездил он каждый день на охоту в чистое поле, в широкое раздолье, на край синего моря. Вот раз ранил он белую лебедушку. Пожалел её, привёз в свой шатёр и посадил в уголок на соломку.

Поутру снова уехал Иван-царевич на охоту, а лебедушка вышла из угла, о пол грянулась, стала молодой женщиной. Шатёр при-

брала, обед сготовила, стол накрыла, а потом снова обернулась лебедушкой и села в уголок на соломку.

Воротился Иван-царевич в свой шатёр с охоты. Огляделся — что такое? Белый шатёр прибран, кушанье изготовлено, на стол накрыто.

«Что это, — думает Иван-царевич, — кто это у меня был?»

На другой день, только Иван-царевич на охоту уехал, вышла белая лебедица, обернулась молодой женщиной,

шатёр убрала, обед сготовила, на стол накрыла, полотняную рубашку шёлком вышила, на лавку положила. Обернулась белою лебёдкой, села в уголок, ждёт Ивана-царевича.

Вот приехал Иван-царевич, зашёл в шатёр, поглядел и ахнул.

Никто с ним не говорит, никто голосу не подаёт.

Вот на третий день снарядился Иван-царевич на охоту, вышел из шатра да и спрятался.

«Покараулю, — думает, — кто такой ко мне приходит. С которой стороны?»

Вот белая лебёдушка вышла из уголочка, обернулась молодой женщиной, начала хозяйничать.

Иван-царевич услышал в шатре шум, закричал громким голосом:

— Кто там у меня хозяйничает? Если старая старушка, будь мне матерью, а если молода молодичка, будь любимой женой, если красная девица, будь родная сестрица!

Вбежал Иван-царевич в шатёр, увидел молодую женщину, ухватил её за руки. Стала молодичка у него в руках биться. Билась, билась, в золотое веретёнышко превратилась. Он взял то веретёнышко и переломил: пятачку перед собой бросил, а кончик — позади себя.

— Будь, — говорит, — передо мной молода молодичка, сзади меня перстенёк.

Вот и стала перед ним молода молодичка. Стали они жить-поживать в белом шатре, в чистом поле, в широком раздолье.

Народился у них сын — и кудряв, и румян, и бел, как молоко.

И ходила к ним бабушка-задворенка домовничать.

Стала весна наступать.

— Иван-царевич, — говорит бабушка-задворенка, — теперь весна на дворе, ты никуда не уезжай, карауль своё счастье, молоду молодицу, белую лебедицу.

Вот раз поутру летит над шатром лебедей станица.

Увидал старый лебедь молоду молодицу, затрубил, закричал:

Ти-го-го, моя доченька!
Ти-го-го, моя родимая!
А не сбросить ли тебе крылышко,
А не сбросить ли белое?
Полетим с нами за море,
Полетим с нами за сине!

Вскочила молода молодица на ноги и закричала ему в ответ:

Ти-го-го, ты мой батюшка!
Ти-го-го, ты родимый мой!
Не бросай ты мне крылышко,
Не бросай ты мне белое,
Не лечу с тобой за море,
Не лечу с тобой за сине:
У меня здесь любимый друг,
У меня здесь Иванушка!

Вот эта станица лебедей пролетела.

Летит другая станица, и кличет белая лебедица молоду молодицу:

Ти-го-го, моя сестрынька,
Ти-го-го, моя родимая!
А не сбросить ли тебе крылышко,
А не сбросить ли белое?
Полетим с нами за море,
Полетим с нами за сине!

Выбежала молодлица из шатра, отвечает сестрице-лебедице:

Ти-го-го, моя сестрынька!
Ти-го-го, моя любимая!
Не бросай ты мне крылышко,
Не бросай ты мне белое,
Не лечу с тобой за море,
Не лечу с тобой за сине:
У меня здесь сыночек есть,
Моё милое детище!

Вот и эти лебеди пролетели.
Летит и третья станица. Кличет старая лебедица молодую молодлицу:

Ти-го-го, моя доченька!
Ти-го-го, моя родимая!
А не сбросить ли тебе крылышко,
А не сбросить ли белое?
Полетим с нами за море,
Полетим с нами за сине!

Выбежала молодлица на полянку, громким голосом крикнула:

Ти-го-го, моя матушка!
Ти-го-го, моя родимая!
Брось скорей мне крылышко,
Брось скорей мне белое.
Полечу с тобой за море,
Полечу с тобой за сине!

Бросила старая лебедица ей белое крыло. Только было она крылышко подхватила, выскочил тут Иван-царевич и поймал её. Билась она билась, да не вырвалась. Пролет-

тела и эта станица белых лебедей. Заплакала молодая
молодица и говорит:

— Кабы ты не схватил меня, улетела бы я в своё лебе-
диное царство, а теперь мне не с кем лететь, улетела и
моя родимая матушка.

— Не горюй, моя лебёдушка, — говорит ей Иван-
царевич, — будем мы и здесь хорошо жить, нашего Ива-
нушку растить.

Так и стало.

СЕРЕБРЯНОЕ БАЮДЕЧКО И НАИВНОЕ АБЛОЧКО

или-были старик со старухой. У них было три дочери. Две нарядницы, за-тейницы, а третья молчаливая скромница. У старших дочерей сарафаны пёстрые, каблуки точёные, бусы золочёные. А у Машеньки сарафан тём-ненький, да глазки светленькие. Вся краса у Маши — русая коса, до земли падает, цветы задевает. Старшие сёстры — белоручки, ленивицы, а Машенька с утра до вечера всё с работой; и дома, и в поле, и в огороде. И грядки полет, и лучину колет, коровушек доит, уток кормит. Кто что спросит, всё Маша приносит, никому не молвит ни слова, всё сделать готова. Старшие сёстры ею помыкают, за себя работать заставляют. А Маша молчит.

Так и жили.

Вот раз собрался мужик везти сено на ярмарку. Обещает дочерям гостинцев купить.

Одна дочь просит:

— Купи мне, батюшка, шёлку на сарафан.

Другая дочь просит:

— А мне купи алого бархату.

А Маша молчит. Жаль стало её старику:

— А тебе что купить, Машенька?

— А мне купи, родимый батюшка, наливное яблочко да серебряное блюдечко.

Засмеялись сёстры, за бока ухватились.

— Ай да Маша, ай да дурочка! Да у нас яблочко полное сад, любое бери, да на что тебе блюдечко? Утят кормить?

— Нет, сестрички. Стану я катать яблочко по блюдечку да заветные слова приговаривать. Меня им старушка обучила, за то, что я ей калач подала.

— Ладно, — говорит мужик, — нечего над сестрой смеяться! Каждой по сердцу подарок куплю.

Близко ли, далёко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке, сено продал, гостинцев купил. Одной дочери шёлку синего, другой бархату алого, а Машеньке серебряное блюдечко да наливное яблочко. Сестры рады-радёшеньки. Стали сарафаны шить да над Машенькой посмеиваться:

— Сиди со своим яблочком, дурочка...

Машенька села в уголок горницы, покатила наливное яблочко по серебряному блюдечку, сама поёт-приговаривает:

— Катись, катись, яблочко наливное, по серебряному блюдечку, покажи мне города и поля, покажи мне и леса, и моря, покажи мне гор высоту и небес красоту, всю родимую Русь-матушку.

Вдруг раздался звон серебряный, вся горница светом залилась: покатилося яблочко по блюдечку, наливное по

серебряному, а на блюдечке все города видны, все луга видны, и полки на полях, и корабли на морях, и гор высота, и небес красота: ясно солнышко за светлым месяцем катится, звёзды в хоровод собираются, лебеди на заводах песни поют.

Загляделись сёстры, а самих зависть берёт. Стали думать и гадать, как выманить у Машеньки блюдечко с яблочком. Ничего Маша не хочет, ничего не берёт, каждый вечер с блюдечком забавляется. Стали её сёстры в лес заманивать:

— Душенька-сестрица, в лес по ягоды пойдём, матушке с батюшкой землянички принесём.

Пошли сёстры в лес. Нигде ягод нету, землянички не видать. Вынула Маша блюдечко, покатила яблочко, стала петь-приговаривать:

— Катись, яблочко, по блюдечку, наливное по серебряному, покажи, где земляника растёт, покажи, где цвет лазоревый цветёт.

Вдруг раздался звон серебряный, покатилося яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все лесные места видны. Где земляника растёт, где цвет лазоревый цветёт, где грибы прячутся, где ключи бьют, где на заводах лебеди поют.

Как увидели это злые сёстры — помутилось у них в глазах от зависти. Схватили они палку суковатую, убили Машеньку, под берёзкой закопали, блюдечко с яблочком себе взяли.

Домой пришли только к вечеру. Полные кузовки грибов-ягод принесли, отцу с матерью говорят:

— Машенька от нас убежала. Мы весь лес обошли — её не нашли: видно, волки в чаще съели.

Заплакала мать, а отец говорит:

— Покатите яблочко по блюдечку, может, яблочко покажет, где наша Машенька.

Помертвели сёстры, да надо слушаться. Покатили яблочко по блюдечку — не играет блюдечко, не катится яблочко, не видно на блюдечке ни лесов, ни полей, ни гор высоты, ни небес красоты.

В ту пору, в то времечко искал пастушок в лесу овечку, видит: белая берёзонька стоит, под берёзкой бугорок накрыт, а кругом цветут цветы лазоревые. Посреди цветов тростник растёт. Пастушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку. Не успел дудочку к губам поднести, а дудочка сама играет, выговаривает:

— Играй, играй, дудочка, играй, тростниковая, потешай ты молодого пастушка. Меня, бедную, загубили, молодую убили, за серебряное блюдечко, за наливное яблочко.

Испугался пастушок, побежал в деревню, людям рассказал.

Собрался народ, ахает. Прибежал тут и Машенькин отец. Только он в руки дудочку взял, дудочка уж сама поёт, приговаривает:

— Играй, играй, дудочка, играй, тростниковая, потешай родимого батюшку. Меня, бедную, загубили, молодую убили, за серебряное блюдечко, за наливное яблочко.

Заплакал отец:

— Веди нас, пастушок молодой, туда, где ты дудочку срезал.

Привёл их пастушок в лесок на бугорок. Под берёзкой цветы растут лазоревые, на берёзке птички синички песни поют.

Разрыли бугорок, а там Машенька лежит. Мёртвая,

да краше живой: на щеках румянец горит, будто девушка спит. А дудочка играет-приговаривает:

— Играй, играй, дудочка, играй, тростниковая. Меня сёстры в лес заманили, меня, бедную, загубили, за серебряное блюдечко, за наливное яблочко. Играй, играй, дудочка, играй, тростниковая. Достань, батюшка, хрустальной воды из колодца царского.

Две сестры-завистницы затряслись, побелели, на колени пали, в вине признались. Заперли их под железные замки до царского указа, высокого повеленья. А старик в путь собрался, в город царский за живой водой.

Скоро ли, долго ли — пришёл он в тот город, ко дворцу пришёл. Тут с крыльца золотого царь сходит. Старик ему земно кланяется, всё ему рассказывает.

Говорит ему царь:

— Возьми, старик, из моего царского колодца живой воды. А когда дочь оживёт, представь её нам с блюдечком, с яблочком, с лиходейками-сёстрами.

Старик радуется, в землю кланяется, домой везёт склянницу с живой водой.

Лишь sprыснул он Марьюшку живой водой, тотчас стала она живой, припала голубкой на шею отца. Люди сбежались, порадовались.

Поехал старик с дочерьми в город. Привели его в дворцовые палаты.

Вышел царь. Взглянул на Марьюшку. Стоит девушка, как весенний цвет, очи — солнечный свет, по лицу — заря, по щекам слёзы катятся, будто жемчуг, падают.

Спрашивает царь у Марьюшки:

— Где твоё блюдечко, наливное яблочко?

Взяла Марьюшка блюдечко с яблочком, покатила яблочко по блюдечку, наливное по серебряному.

Вдруг раздался звон-перезвон, а на блюдечке один за другим города русские выставляются, в них полки собираются со знамёнами, в боевой строй становятся, воеводы перед строями, головы перед взводами, десятники перед десятками. И пальба, и стрельба, дым облако свил — всё из глаз сокрыл.

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному. А на блюдечке море волнуется, корабли, словно лебеди, плавают, флаги развеваются, пушки палят. И стрельба, и пальба, дым облако свил — всё из глаз сокрыл.

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке всё небо красуется; ясно солнышко за светлым месяцем катится, звёзды в хоровод собираются, лебеди в облаке песни поют.

Царь на чудеса удивляется, а красавица слезами заливается, говорит царю:

— Возьми моё наливное яблочко, серебряное блюдечко, только помилуй сестёр моих, не губи их за меня.

Поднял её царь и говорит:

— Блюдечко твоё серебряное, ну а сердце твоё — золотое. Хочешь ли быть мне дорогой женой, царству доброй царицей? А сестёр твоих ради просьбы твоей я помилую.

У царя не пиво варить, не вино курить — всего в погребах много — честным пирком да за свадебку. Ну и был пир на весь мир: так играли, что звёзды с неба пали; так танцевали, что полы поломали. Вот и всё...

Белая уточка

некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с молодой женой. Хороша была царица, словно берёзка на поляне, — и бела, и кудрява, и нравом ласкова. Все её любили, все её жалели, только не любила её старшая сестра. И та хороша была — и бела, и кудрява, да сердцем черна, нравом жестока. Крепко она сестре завидовала, на счастливое её житьё зарилась.

Только год прокатил, как поженились молодые. Не успел ещё царь на жену наглядеться, не успел с ней наговориться, не успел её послушаться, а уж надо было ехать ему в дальний путь по делам, покинуть жену на чужих людей. Что делать? Говорят, век обнявшись не просидеть.

Долго плакала молодая жена, долго царь её уговаривал. Повелел он ей не покидать высокого терема, дворцового сада, ни в поле не ходить, ни в леса не ездить, чужих советов не слушаться, чужих людей в дом не пускать.

Попрощался с молодой женой и уехал в дальний путь.

Ну, день прошёл, и другой прокатил; скучно царице. Целый день у окошка сидит, на дорогу глядит, на шитьё шёлковое слёзы роняет. Без любимого веселья нет, без хозяина — дом сирота. Вот послала она гонца-сорокохода к батюшке своему за старшей сестрой.

«Всё, — думает, — мне веселее будет».

Приехала старшая сестра, по дому бродит, на богатства любуется, а всё ей не нравится. Что няньки-мамки делают — всё не так, всё не так. И кушанья ей не солонны, и перинушки плохо взбиты, и полы плохо метены. Сестрица её уговаривает, всё по её делает, а ту угомон не берёт. Ну, так день идёт и другой идёт. Вот раз и говорит царице старшая сестра:

— Не могу я всё в терему сидеть, хоть бы по саду прошлись, тоску развеяли...

Надела царица белый шёлковый сарафан, повязала белый шёлковый платок, обула красные сапожки и с сестрой в сад пошла. В саду цветы — не налюбуйешься, в саду яблоки — не наешься, в саду воздух — не надышишься. А старшей сестре всё не так, всё плохо. И цветы не яркие, и яблоки горьки, и воздух худой. Пристала она к царице:

— Выйдем да выйдем за ограду, там ручей течёт, хрустальная вода льётся.

Подошли они к ручейку.

— Солнце палит, — сестра говорит, — водица студёная так и плещет. Умой своё белое личико.

Наклонилась молодая над ручьём, а сестра ударила её между плеч и говорит:

• — Плыви по воде белой уточкой!

И поплыла царица по ручью белой уточкой, белой

уточкой, красные ножки. Взволновался ручей, забурлил ручей, с цветов роса посыпалась — злое дело видят, а сказать не могут.

А сестра побежала ко дворцу, затужила, закричала, всему миру поведала: утонула, дескать, царица в прозрачной воде!

Потужили люди, поплакали, а делать нечего. Зажила сестра во дворце хозяйкой. У нее люди не ходят, а бегают, не едят, не спят, коровы непоены, лошади в мыле стоят. Тут царь вернулся: рассказали ему про горе; он затужил, запечалился, на свет глядеть не хочет, всё царицу-берёзку вспоминает.

А белая уточка на хрустальном ручье слёзы льёт. От тех слёз набух ручей, разлился ручей, побежал за ограду, по царскому саду. По ручью белая уточка плавает, а за ограду не идёт.

Вот к весне сделала уточка гнёздышко, снесла три яйца, вывела деточек. Да не утят-гусят, а трёх ребят: старшие ребята — все в отца — и крепки, и сильны, и на ножки резвы, а младший — тихонький да слабенький, мамушкин запазушник. Они днём ребятами бегают, вечерами — лебедятами плавают. Вот уточка их растила, кормила, поила, вырастила до трёх годов.

Стали ребятки по реченьке ходить, золотую рыбку ловить, лоскутья собирать, кафтанчики сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок за царскую ограду. Белая уточка не велит им за ограду ходить:

— Не ходите туда, детки: будет нам большая беда!

Ну, а детки её не послушались: нынче поиграли на травке, завтра попрыгали на муравке да и забежали на царский двор. Злая сестра увидала их — сразу узнала: два мальчика на отца похожи, а один — на мать.

Прикинулась она ласковой, зазвала ребяток в царские палаты, напоила-накормила, спать уложила, на замок заперла. А сама велела разложить костры, наточить ножи, вскипятить котлы.

Только вечер сделался — скинулись ребята лебедятами. Двое старшеньких — головы под белое крыло и спят крепким сном, а мамушкин запазушник не спит, глаз не закрывает, всё слушает.

Вот хозяйка к двери подошла, послушала:

— Спите вы, детки, али нет?

А запазушник в ответ:

— Мы не спим, не спим, думу думаем: костры горят, котлы кипят, ножи точат на наши головы.

— Спать надо, ночь на дворе.

«Не спят», — хозяйка думает.

Походила-походила, по двору побродила и опять под дверью:

— Заснули, детки, али нет?

А запазушник в ответ:

— Мы не спим, не спим, думу думаем: костры горят, котлы кипят, ножи точат на наши головы.

— Спать надо, ночь на дворе.

А запазушника и так сон клонит, глаза закрываются, под крыло головушка просится. Вот и он заснул.

Подошла хозяйка к дверям, спрашивает:

— Детки, спите ли?

Молчат.

— Спят, — говорит.

Вошла хозяйка, лебедяток захватила, им шейки свернула, на двор лебедяток бросила. Царь видел, ничего не сказал. Думал, что на поварню лебедей жарить привезли.

Поутру белая уточка зовёт своих малых детушек, а их нет как нет. Зачуяло её сердце беду, встрепенулась она и полетела на царский двор.

А царь тем часом у окна сидел, на двор глядел. Прилетела на двор белая уточка. Видит — белы, как платочки, холодны, как пласточки, лежат детки её рядышком. Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила, материнским голосом завопила:

Кря-кря, мои деточки,
Кря-кря, лебедяточки,
Я слезою вас выпаивала,
Тёмную ночь недосыпала,
Сладкий кусок недоедала...
Кто вас, милые, погубил?

Встрепенулся царь:

— Сестра, сестра, слышишь небывалое? Уточка над детками стонет, человечьим голосом приговаривает.

— Это тебе, братец, чудится. Велите, няньки, слугам утку со двора согнать.

Стали слуги утку гнать, а она в небеса взлетит да опять к лебедям кинется. Сама плачет, сама приговаривает:

Кря-кря, мои деточки,
Кря-кря, лебедяточки,
Погубила вас злая сестра,
Злая сестра, подколотная змея.
Отняла у вас отца родимого,
У меня взяла мужа любимого,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уточек,
А сама живёт-величается...

Выбежал тут царь во двор, стал уточку ловить. А она

от него не летит, сама ему в руки бежит. Взял он её за крылышко, взмахнул над головой:

— Стань, белая берёза, за мной позади, а красная молодлица — передо мной впереди!

Бросил он уточку наземь, и стала белая берёза у него позади, жена молодая у него впереди. В белом шёлковом сарафане, в белом шёлковом платке, в красных сапожках. Обрадовался царь, бросился её обнимать-целовать, а она горько плачет, в голос рыдает:

— Ой, беда, мой любимый муж: то не белые лежат лебедятки, то родимые лежат твои ребятки — трое сыновей, трое родных детей.

Тут и царь горько заплакал, наклонился над лебедятками. Как упала отцовская слеза на белые крылышки, встрепенулись лебедятки, закричали. А тут солнышко высоко вошло, ярким светом брызнуло. Обернулись лебедята ребятами. Старших два — словно отец — крепки, сильны, на ноги резвы, а младшенький — тихонький да слабенький, матушкин запазушник.

Вот-то счастье было! Стали жить-поживать, добра наживать, худо забывать.

А злую сестру привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю. Где оторвалась нога — там стала кочегда; где руки — там грабли; где голова — там куст да колода. Налетели ветры, развеяли кости, не осталось от злодейки ни следа, ни памяти.

МОРСКОЙ ЦАРЬ И СЯЕНА ПРЕМУДРАЯ

некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с молодой женой. Детей у них не было. Очень они об этом печалились.

Вот поехал раз царь на охоту. Долго он по лесу бродил, красного зверя бил, лесную птицу теребил. Устал, истомился — пить захотел. Пить захотел, а воды нету. Стал он ручей искать — ручьи повысохли. Стал ключи искать — ключи завалены. Вдруг видит на лесной полянке круглое озеро, а в нём вода, как хрусталь чиста, как снег холодна. Не случилось у царя под рукой ни ковшика, ни чарочки; лёг он на землю, припал к воде губами. Стал пить. Вода по всем жилочкам разливается, силушки придаёт. Напился царь, хотел встать — не тут-то было! Держит его кто-то за бороду, головы поднять не даёт. Бился царь и так и сяк — не может вырваться. Вот он и говорит:

— Кто меня держит, кто не пускает?! Отпусти! Милости прошу!

Заходила вода в озере волнами, загремел из воды голос страшный:

— Отпущу тебя, царь — добрый человек, если отдашь мне, чего дома не знаешь.

Вот царь и подумал:

«Всё я у себя дома знаю. Каждый гвоздик своими руками вбил!»

Да и дал слово водяному царю, что отдаст ему через пятнадцать лет, чего сейчас дома не знает.

Царь водяной отпустил его бороду.

Вот подъезжает царь к своему дворцу, невесёлый, сумрачный. Всё его забота берёт: «Чего я дома не знаю?»

Подъехал к золочёному крыльцу. Выходит его встречать царица молодая с сыном на руках. Тут царь горько заплакал — вот чего он дома не знал!

Ну, что делать?! Не век же тужить да плакать.

Вот они год живут, и другой живут, и пятнадцать лет живут. Вот и пятнадцать лет прокатились.

Призывает к себе царь Ивана-царевича.

— Так и так, — говорит, — сын мой любимый, Иван-царевич. Посулил я тебя водяному царю; надо тебе, сынок, к нему в службу пойти!

Опечалился Иван-царевич, да делать нечего. Взял Иванушка котомочку, — мать ему пирогов-шанежек напекла, молочка налила, — он в путь и отправился.

Шёл-шёл, навстречу ему бабушка-задворенка.

— Куда, Иван-царевич, путь держишь?

А он злой идёт — на старушку как гаркнет:

— Куда хочу, туда и иду! Тебя, старая, знать не знаю и спрашивать не спрашиваю...

Поглядела на него бабушка-задворенка, ничего не сказала, мимо прошла.

Тут Ивана-царевича стыд взял. Был он молодец добрый, ну и стало ему совестно. Он назад повернул, старушку догнал.

— Прости меня, бабушка, что я тебе нагрубил. Горько мне, Ивану-царевичу, в службу к водяному царю идти.

— Ничего, Ванюшка, — говорит бабушка-задворенка, — не печалься. Иди ты прямой дорогой — выйдешь к озеру. Прилетят туда двенадцать голубиц — двенадцать девиц. Отряхнут свои крылышки, сбросят свои пёрышки, станут в пруду плескаться. У всех крылышки, что снег белы, а у одной — пёстренькие. Вот ты улучи минуточку, захвати их себе. Заберёшь — тебе счастье, не заберёшь — пропащая твоя голова!

Поклонился Иван-царевич бабушке-задворенке.

— Спасибо тебе, бабушка, за добрый совет.

Пошёл Иван-царевич прямой дорожкой. До лесного озера дошёл, спрятался за дерево. Прилетели вдруг двенадцать голубиц — двенадцать девиц, скинули свои крылышки, сбросили свои пёрышки, стали в воде плескаться. Видит Иван-царевич: все крылышки белые, два крылышка пёстреньких, и утащил пёстрые крылышки.

Вышли девицы из воды, прицепили свои крылышки, надели свои пёрышки, сделались голубицами, вспорхнули и полетели.

А одна девушка на берегу стоит, горькими слезами плачет, русой косой слёзы утирает, ищет свои пёстренькие крылышки. Ищет-ищет, приговаривает:

— Скажи, отзовись, кто взял мои крылышки? Если стар старичок, будь мне батюшкой, если старая старушка, будь мне матушкой, если добрый молодец, будь любимый муж!

Тут Иван-царевич вышел из-за дерева.

— Вот твои крылышки!

— Ну, скажи теперь, добрый молодец — наречённый муж, ты какого роду-племени и куда путь держишь?

— Я Иван-царевич, а путь держу к твоему батюшке, водяному царю немилостивому.

— А меня зовут Елена Премудрая. Я у батюшки своего немилостивого любимая дочь! Буду, Иван-царевич, тебя из беды выручать.

Вот пришли они в водяное царство — морское государство. У ворот сорок острых пик, на каждой пике молодецкая голова. На одной пике головы нет.

— Эта пика для тебя приготовлена, — говорит Елена Премудрая. — Ну, да я тебя в обиду не дам!

Зашёл Иван-царевич во дворец к водяному царю.

Сидит царь на троне в золотой короне. Кругом жабы плятятся, ерши ершатся, щуки грозятся. Рак клешнёй Ивана-царевича за плечо схватил. Сом большим усом ноги обвил. Закричал водяной царь грозным голосом:

— Ты что пятнадцать лет меня ждать заставил? Тут работы накопилось, дело остановилось. Теперь надо в одну ночь всё выработать. Ну, ступай да смотри, чтобы ты мне к утру-свету вырубил дремучий лес, землю вспахал, пшеницу посеял, ту пшеницу сжал, муку смолот, пирогов напёк и мне на стол принёс. А не то быть твоей голове на моей стене, на железной спице!

Идёт Иван-царевич из царских палат, идёт невесел, буйну голову ниже плеч повесил. Увидала его Елена Премудрая, спрашивает:

— Что ты, Иван-царевич, невесел, ниже плеч буйну голову повесил?

— Что тебе и отвечать, красавица! Ты моему горю не поможешь, моей головы не спасёшь.

— Почём знать?! Может, и помогу!

Рассказал ей Иван-царевич, какую службу дал ему водяной царь немилостивый.

— Ну, это что за служба! Это службишка. Служба будет впереди. Ступай спать ложись. Утро вечера мудренее.

Ровно в полночь вышла Елена Премудрая на красное крыльцо, платочком махнула, громким голосом закричала:

— Собирайтесь, слетайтесь ко мне, добрые люди — работники, послужите мне, как моей матушке служили!

Тут собралось работников видимо-невидимо; они стали лес корчевать и пшеницу засевать, они муку мелют, тесто месят, печки разжигают. К утру-свету всё готово, всё излажено. Понёс Иван-царевич пироги царю водяному немилостивому.

Рассердился царь, закричал страшным голосом:

— Это всё не твоя голова думу думает, не твои руки работают. Поумнее тебя кто-то здесь шутки шутит. Ну, ладно, задам тебе другую службу. Чтобы за одну ночь сегодняшнюю ты мне пчёл развёл, воск собрал да из воску дворец выстроил!

Пошёл Иван-царевич домой невесел, ниже плеч буйну голову повесил. Рассказал своё горе Елене Премудрой, а она говорит:

— Это службишка! Служба будет впереди. Спать ложись, Иван-царевич. Утро вечера мудренее.

Ровно в полночь вышла Елена Премудрая на красное крыльцо, махнула аленьким платочком.

— Собирайтесь, слетайтесь ко мне, пчёлы, со всего свету, со всего миру, состройте мне за ночь восковой дворец.

Тут налетело пчёл видимо-невидимо. Каждая воск тащит, тонким голосом жужжит. К утру-свету слепили дворец из ярого воску.

Увидел водяной царь восковой дворец, разгневался.

— Не твоего ума это дело! Тут моя выучка видна. Придёшь сегодня на вечерней заре на зелёный луг, поймаешь там коня неезжалого, на том коне ко мне приезжай, тогда я тебя домой отпущу.

Обрадовался Иван-царевич. Идёт, посвистывает. Спрашивает его Елена Премудрая:

— Что за службу тебе царь сегодня дал?

— Дал мне сегодня царь не службу, а службишку: поймать коня неезжалого, на нём во дворец прискакать.

Запечалилась Елена Премудрая.

— Эх, Иван-царевич! Неразумный ты. Это и есть служба страшная. Неезжалый конь — это мой батюшка, сам водяной царь немилостивый. Как я тебе против батюшки помогать стану? Как мне, девице, быть? Женихали погубить, родному ли батюшке изменить?!

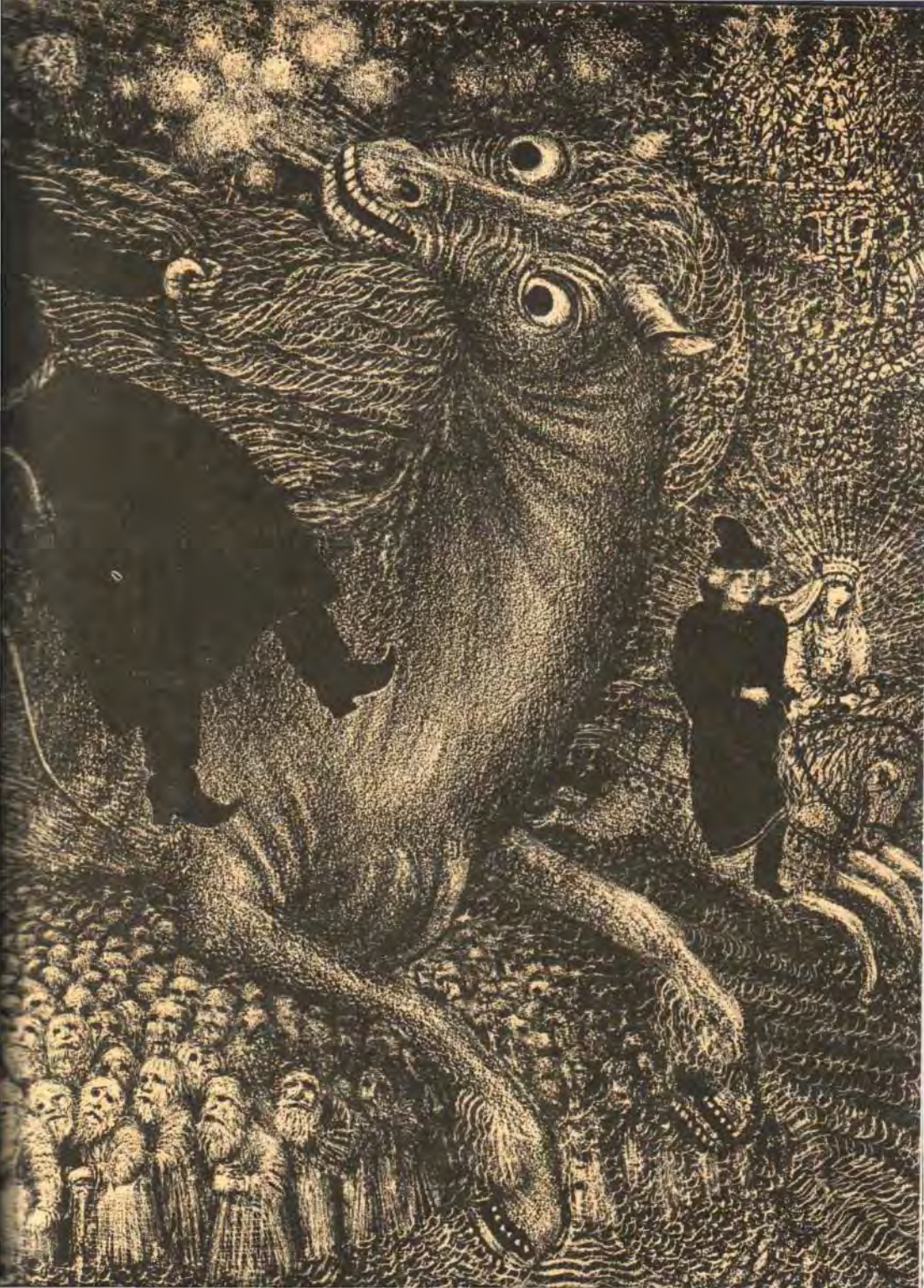
Стал её Иван-царевич молить-просить.

— Хорошо, — говорит Елена Премудрая. — Я тебе и здесь помогу. Только нам после этого тут не жить. Надо будет в твоё царство пробираться.

Дала она ему три прута: медный, оловянный и серебряный.

— Подойди к коню с левой стороны: мой батюшка на левый глаз слеп. Вскочи ему на крутую шею, бей его медным прутом, держись за гриву серебряную да вниз не смотри, всё на небо гляди. Изломается у тебя медный прут, ты бей его оловянным прутом; изломается оловянный — бей серебряным, бей, не жалея, пока мясо с рёбер не посыплется.

Пошёл Иван-царевич на зелёный луг. Там неезжалый конь копытом бьёт. Из ноздрей у коня дым валит, изо рта огонь палит, правым глазом конь весь луг окидывает. Подошёл к нему Иван-царевич с левой стороны, вскочил ему на самую шею. За серебряную гриву схватился, бьёт его по рёбрам медным прутом. Взвился конь под самое небо, под чёрные тучи. Носит его над морем глубоким.

— Погляди вниз! Погляди вниз! — кричит.

А Иван-царевич в небо смотрит. Носит его конь над лесом высоким.

— Погляди вниз! Погляди вниз!

А Иван-царевич в небо смотрит, глаз не опускает. И всё коня хлещет. Уже медный прут измочалил, оловянный истрепал, за серебряный взялся.

Носил его, носил конь, пока мясо с рёбер не посыпалось.

Устал конь, шатается, изо рта пена капает. Сбросил Ивана-царевича на зелёный луг и из глаз пропал.

Пришёл Иван-царевич к Елене Премудрой.

— Ну, Иван-царевич, — говорит Елена Премудрая, — не ждать теперь милости ни тебе, ни мне. Надо нам из водяного царства скрываться, от батюшкиной немилости убежать.

Взяла она острый ножик, уколола себе правый мизинчик, капнула на печурку три капли крови, горницу заперла, коней привела, и поехали они в путь-дорогу.

Сидит водяной царь на троне в золотой короне, руки-ноги платком перевязаны, голова у него болит, тело ломит. Посылает слугу за Еленой Премудрой. Пошёл слуга на крыльцо, взялся за кольцо, постучался, а ему капля крови отвечает:

— Сейчас иду — сарафан надеваю!

Вот час прошёл — нету Елены Премудрой. Посылает царь второго слугу. Стучит слуга на крыльце, а капля крови ему отвечает:

— Сейчас иду — венец надеваю!

Вот и второй час прокатился — нету Елены Премудрой. Побежал царь сам на крыльцо, ухватился за кольцо.

— Что же ты не идёшь, дочка непокорная?!

А третья капелька отвечает:

— Сейчас иду — бусы надеваю!

Заревел тут царь:

— Не её голос! Не её выговор!

Дверь сломал, а в горнице нет никого. Рассердился царь, послал за ними погоню.

А Иван-царевич с невестой чистым полем скачут. Вот Елена Премудрая и говорит:

— Ляг, Иван-царевич, на землю брюшком, послушай ушком: не услышишь ли чего?

Иван-царевич припал к сырой земле, послушал.

— Впереди тишь да гладь, сзади непомерный шум. Слышу конское ржанье.

— Это погоня близка!

Оборотилась Елена Премудрая огородом, Ивана-царевича кочаном капусты сделала.

Доскакала погоня до огорода и назад поворотила.

— Ваше царское величество! Пусто в чистом поле. Только и есть огород, в огороде кочан капусты.

— Эх вы, головы дубовые! Поезжайте, привезите мне тот кочан капусты. Вижу, вижу свою выучку!

А Елена Премудрая и Иван-царевич дальше на конях скачут.

— Иван-царевич! Ляг на землю брюшком, послушай ушком. Не слышно ли чего?!

Припал Иван-царевич к сырой земле.

— Слышу, впереди тишь да гладь, сзади непомерный шум.

— Это погоня близка!

Оборотилась Елена Премудрая колодцем. Ивана-царевича сделала ясным соколом. Сидит сокол на срубе, хрустальную воду пьёт.

Приехала погоня к колодцу. Не видно дальше следов, не видно людей в чистом поле. Поворотила погоня назад.

— Ваше царское величество, не видать ничего в чистом поле. Только и видели один колодец, из того колодца ясный сокол хрустальную воду пьёт.

— Эх вы, дубовые головы! Это же дочка моя умудряется. Вижу, вижу, моя выучка! Умнее меня хочет быть. Придётся самому с ней силою помериться.

Поскакал сам царь водяной немилостивый в погоню.

Скачут Елена Премудрая и Иван-царевич чистым полем, зеленым лугом, Елена Премудрая говорит:

— Припаду-ка я к сырой земле, послушаю. Не услышу ли чего?!

Припала Елена Премудрая к земле.

— Ох, стучит, ох, гремит! Это отец за нами гонится.

Скачут они, скачут во всю прыть. А погоня по пятам.

— Есть ещё у меня оборона от водяного царя, — говорит Елена Премудрая.

Бросила она позади себя щётку. Сделался дремучий лес — руки не просунешь, а кругом в три года не обойдёшь. Вот водяной царь грыз-грыз дремучий лес, проложил себе тропочку, пробился и опять в погоню.

Близко-близко, вот-вот нагонит. Бросила Елена Премудрая гребёнку. Сделалась высокая-высокая гора. Не пройти, не проехать. Водяной царь копал-копал гору,

проложил тропиночку и опять погнался за ними. Вот-вот нагонит. Вот-вот рукой схватит.

Тут Елена Премудрая махнула полотенцем, и сделалось великое-великое море. Царь прискакал к морю, видит, что пути-дороги дальше нет, и поворотил домой.

Подъехал Иван-царевич с Еленой Премудрой к своей земле и говорит ей:

— Я вперёд пойду, за тобой карету пошлю. А ты меня здесь подожди.

— Смотри же, — говорит Елена Премудрая, — в правую щёку никого не целуй, а то меня позабудешь.

— Ладно, — говорит.

Вот он домой пришёл. Все обрадовались. Он всех целует, в правую щеку никого. А как стал мать целовать — поцеловал её в обе щеки и сразу Елену Премудрую позабыл.

А она стоит, бедная, на дороге, дожидается. Ждала-ждала, не идёт за ней Иван-царевич. Пошла она в город, нанялась в работницы к бабушке-задворенке.

А Иван-царевич задумал жениться, сосватал невесту и затеял пир на весь мир.

Узнала про это Елена Премудрая, пошла на царский двор, стала у поварни. А у царицы в ту пору пирог свадебный сгорел. Плачет царица, а Елена Премудрая пошла к ней, поклонилась.

— Дозволь мне, царица, тебе новый пирог испечь.

Делать нечего. Дала царица Елене Премудрой всякого припасу. У Елены Премудрой в час пирог поспел. Поблагодарила её царица, дала ей милостыню. А Елена Премудрая и говорит:

— Дозволь мне, царица-матушка, у дверей постоять, на пир поглядеть.

— Ладно, стой! — говорит.

Вот стали жениха с невестой поздравлять, стали пирог разрезать. Вылетели из пирога два голубка.

— Поцелуй меня, — говорит голубь голубке.

— Нет, — говорит голубка, — я тебя поцелую, а ты меня позабудешь, как позабыл Иван-царевич Елену Премудрую.

И в другой раз говорит голубь голубке:

— Поцелуй меня!

— Нет, я тебя поцелую, я тебя пожалею, а ты меня позабудешь, как забыл Иван-царевич Елену Премудрую.

Тут вспомнил Иван-царевич Елену Премудрую, по сторонам поглядел, у дверей её увидал. Вскочил из-за стола, взял её за руки белые, к отцу с матерью подвёл и говорит:

— Вот моя жена Елена Премудрая! Она меня спасала, она меня выручала.

Царь ему отвечает:

— Ну, если есть у тебя такая жена, честь тебе и слава на долгую жизнь.

У царей не пиво курить, не мед варить, собрали пир да за свадебку.

Стали Иван-царевич и Елена Премудрая жить-поживать, да добра наживать, да лихо избывать.

НЕНАГЛЯДНАЯ КРАСОТА

некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь да царица; родился у них сын Иван-царевич.

Няньки его качают, никак укачать не могут. Зовут они мать:

— Царица-государыня, иди, качай своего сына.

Мать его качала, укачать не может; побежала она к царю:

— Царь, великий государь! Пойди сам, качай своего сына.

Царь начал качать, приговаривать:

— Спи, сынок, спи, любимый! Вырастешь большой, сосватаешь за себя Ненаглядную Красоту: трёх маток дочку, трёх бабок внучку, девяти братьев сестру.

Заснул Иван-царевич крепким сном. Через девять суток пробудился и говорит:

— Прощай, батюшка, поеду я Ненаглядную Красоту искать, себе в жёны её сватать.

— Что ты, дитяtko, куда поедешь? Ты всего девяти-суточный.

— Отпустишь — поеду, и не отпустишь — поеду.

Иван-царевич снарядился и пошёл коня доставать. Отошёл немало от дому и встретил старого человека.

— Куда, молодец, пошёл? Волею или неволею?

— Иду я, дедушка, и волею, и неволею. Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня вы-сватать Ненаглядную Красоту: трёх маток дочку, трёх бабок внучку, девяти братьев сестру.

— Хорошо, молодец. Только пешему тебе не дойти: Ненаглядная Красота далеко живёт.

— А как далеко?

— В золотом царстве, по конец света белого, где сол-нышко всходит.

— Как же быть-то мне? Нет мне, молодцу, по плечу коня неезжалого, нет плёточки шёлковой недержаной.

— Как нет! У твоего батюшки есть тридцать лоша-дей — все как одна. Прикажи конюхам напоить их у синя моря; одна забредёт в воду по самую шею, и, как станет пить, начнут в синем море волны подыматься, в крутые берега ударяться. Эту лошадь себе бери.

— Спасибо на добром слове, дедушка.

Как старик научил, так царевич и сделал: выбрал себе богатырского коня, ночь переночевал, поутру рано встал, растворил ворота, собрался ехать; вдруг проговорил ему конь человеческим языком:

— Иван-царевич, припади к земле: я тебя трижды но-гой толкну.

Раз толкнул и другой толкнул, в третий не стал:

— Ежели в третий раз толкну, нас с тобой земля не снесёт.

Иван-царевич вскочил на коня, только его и видели. Едет далекім-далёко; день коротается, к ночи подвигается; стоит двор, что город, изба, что терем.

Подъехал царевич к крыльцу, привязал коня к золотому кольцу, сам — в сени да в избу. А лежит на печи, на девятом кирпиче Баба Яга — костяная нога.

Закричала Баба Яга громким голосом:

— Ах ты, такой-сякой! Железного кольца не достоин, к золотому привязал.

— Ладно, бабушка, не бранись! Коня можно отвязать, за иное крыльцо привязать.

— Что, добрый молодец, задала тебе страху? А ты не страшись да на лавочку садись, а я стану расспрашивать: из каких ты родом, из каких городов?

— Эх, бабушка! Ты бы прежде накормила, напоила, а потом вести спрашивала; видишь, человек с дороги, весь день не ел.

Ну, Баба Яга тотчас скатерь-самобранку постелила, принялась угощать Ивана-царевича.

Он наелся, напился, на постель повалился. Баба Яга не спрашивает, он ей сам всё рассказывает:

— Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту: трёх маток дочку, трёх бабок внучку, девяти братьев сестру. Сделай милость, бабушка, скажи, где живёт Ненаглядная Красота и как до неё дойти.

— Я и сама, царевич, не ведаю. Вот уже третью сотню лет доживаю, а про эту Красоту не слыхивала. Ну, да спи, усни; заутро соберу своих советчиков, может, из них кто знает.

На другой день встала старуха раненько, умылась беленько, вышла с Иваном-царевичем на крылечко и

закричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом, крикнула по морю:

— Рыбы и гад водяной, идите сюда!

Тотчас синее море всколыхнулось, собралась рыба большая и малая, собрался всякий гад, к берегу идёт — воду укрывает. Спрашивает старуха:

— Где живёт Ненаглядная Красота: трёх маток дочка, трёх бабок внука, девяти братьев сестра?

Отвечают все рыбы и гады в один голос:

— Видом не видали, слыхом не слыхали.

Крикнула старуха по поднебесью:

— Собирайся, птица воздушная!

Птица летит, дневной свет укрывает, в один голос отвечает:

— Видом не видали, слыхом не слыхали.

Крикнула старуха по земле:

— Собирайся, зверь лесной!

Зверь бежит, землю укрывает, в один голос отвечает:

— Видом не видали, слыхом не слыхали.

— Ну, — говорит Баба Яга, — больше некого спрашивать; взяла царевича за руку, повела в избу.

Только в избу вошли, налетела Могол-птица, пала на землю — в окнах свету не стало.

— Ах ты, птица Могол, где была, где летала, отчего запоздала?

— Ненаглядную Красоту в гости снаряжала.

— Вот это мне и надобно! Сослужи мне службу верою-правдою: снеси туда Ивана-царевича!

— Хорошо, бабушка!

Сел Иван-царевич на Могол-птицу; она поднялась, полетела. Три года летела, вылетела на луга зелёные, травы шелковые, цветы лазоревые и пала наземь.

— Вон, — говорит, — терема белокаменные, где Ненаглядная Красота живёт.

Пришёл царевич в город, пошёл по улицам гулять. Идёт и видит: на площади человека кнутом бьют.

— За что, — спрашивает, — вы его кнутом бьёте?

— А за то, — говорят, — что задолжал он нашему царю десять тысяч, да в срок не выплатил. А кто его выкупит, у того Кашей Бессмертный жену унесёт.

Вот царевич подумал-подумал и прочь пошёл. Погулял по городу, вышел опять на площадь, а того человека всё бьют; жалко стало Ивану-царевичу, и решил он его выкупить. «У меня — думает, — жены нету, отнять у меня некого».

Заплатил выкуп и пошёл прочь. Вдруг бежит за ним тот самый человек и кричит ему:

— Спасибо, Иван-царевич, буду тебе я верным слугой.

— А как тебя зовут-величают?

— Зовут-величают: Булат-молодец.

— Ну, пойдём Ненаглядную Красоту добывать.

В ту пору вышла Ненаглядная Красота на крыльцо. Увидел её Иван-царевич, поклонился низко, стал присваиваться.

Вдруг по синему морю плывут корабли: наехало тридцать богатырей Ненаглядную Красоту сватать и ну над Иваном-царевичем насмехаться:

— Ах ты, деревенский лапотник! По тебе ли такая красавица! Ты не стоишь её мизинного пальчика.

Стали к нему со всех сторон подступать да невесту отбивать.

Иван-царевич не стерпел: махнул рукой — стала улица, махнул другой — переулочек. Тут Булат-молодец

схватил красавицу за правую руку, посадил на коня, ухватил Ивана-царевича за левое плечо, посадил позади девицы, ухватился сам за стремячко, и поскакали они из города во всю конскую прыть.

Много ли, мало ли они ехали, Булат-молодец снял со своей руки перстень, спрятал его и говорит:

— Поезжай дальше, Иван-царевич, а я назад ворочусь, перстень поищу.

Стала его Ненаглядная Красота упрашивать:

— Не оставляй нас, Булат-молодец, я тебе свой перстень подарю.

А он в ответ:

— Никак нельзя, Ненаглядная Красота! Моему перстню цены нет: мне дала его родная матушка; как давала, приговаривала: «Носи, не теряй, мать не забывай!»

Поскакал Булат-молодец назад, повстречал великую погоню; он их всех перебил, конём потоптал, сам нагнал Ивана-царевича.

— Нашёл ли перстень, Булат-молодец?

— Нашёл, Ненаглядная Красота.

Вот ехали-ехали, настгла их тёмная ночь. Раскинули они белый шатёр. Ненаглядная Красота в шатре легла. Булат-молодец у порога спит, Иван-царевич на карауле стоит.

Стоял-стоял Иван-царевич, утомился, начал клонить его сон; он присел у шатра и заснул богатырским сном.

Откуда ни возьмись, налетел Кашей Бессмертный, унёс Ненаглядную Красоту, только ленточку из косы на земле оставил.

На заре очнулся Иван-царевич, видит: нет Ненаглядной Красоты, только ленточка на земле лежит. Стал Иван-царевич горько плакать, громко рыдать.

Проснулся Булат-молодец и спрашивает:

— О чем ты, Иван-царевич, плачешь, слёзы льёшь?

— Как мне не плакать? Кто-то унёс Ненаглядную Красоту.

— Как же ты на карауле стоял?

— Да я стоял, а меня сон сморил.

— Ну, после драки кулаками не машут. Знаю я, кто это сделал, — Кашей Бессмертный. Нам его смерть три года искать. Смерть его в яйце, то яйцо в утке, та утка в колоде, а колода по синему морю плавает.

Ну что поделаешь? Пошли названные братья к синему морю; они день идут и месяц бредут; они год шагают и другой провожают; истомились, устали, изголодались.

Вдруг летит ястреб. Иван-царевич схватил тугой лук.

— Эх, ястреб, я тебя застрелю да с голоду сырым съем.

— Не ешь меня, Иван-царевич, в нужное время я тебе пригожусь.

Видит Булат-молодец: бежит медведь.

— Эх, Мишка-медведь, я тебя убью и сырым съем.

— Не ешь меня, Булат-молодец; в нужное время я тебе пригожусь.

Пошли дальше; дошли до синего моря, глядь — на берегу щука трепещется.

— А, щука зубастая, попалась! Мы тебя сырком съедим!

— Не ешьте меня, молодцы, лучше в море бросьте! В нужное время я вам пригожусь.

Вдруг синее море всколыхнулось, взволновалось, стало берега заливать. Налетела волна высокая, вынесла на берег дубовую колоду.

Прибежал медведь, поднял колоду да как хватит

оземь — колода развалилась, вылетела оттуда утка и взвилась высоко-высоко. Вдруг, откуда ни возьмись, налетел ястреб, поймал утку, разорвал её пополам. Выпало из утки яйцо — да прямо в море; тут подхватила его щука, подплыла к берегу и отдала Ивану-царевичу. Царевич положил яйцо за пазуху, и пошли молодцы к Кашею Бессмертному.

Приходят к нему во двор, и встречает их Ненаглядная Красота, горько плачет, Ивана-царевича целует, к плечу припадает, Булата-молодца обнимает; а Кашей Бессмертный сидит у окна и ругается:

— Хочешь ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, так тебе, царевичу, живому не быть.

— Ты сам у меня невесту отнял.

Вынул Иван-царевич из-за пазухи яйцо, показал Кашею.

— А это что?

У Кашея свет в глазах помутился; тотчас он присмирел, покорился. Иван-царевич переложил яйцо с руки на руку — Кашея Бессмертного из угла в угол бросило. Булат-молодец подхватил яйцо да и смял совсем; тут Кашею и смерть пришла.

Долго ли, коротко ли они ехали, настигла их тёмная ночь; раскинули они белый шатёр. Ненаглядная Красота в шатре легла, Иван-царевич у порога спит. Булат-молодец на карауле стоит.

Ополночь прилетели двенадцать голубиц, ударили крыло в крыло и закричали громким голосом:

— Ну, Булат-молодец да Иван-царевич! Убили вы нашего брата, увезли нашу невестушку; не будет и вам добра: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести свою собаку любимую, она вырвется у псаря и разорвёт

царевича. А кто это слышит да ему скажет, станет по колено каменный.

Только прокричали и прочь улетели — налетели двенадцать воронов.

— Не будет вам, молодцы, добра: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести своего любимого коня, и убьёт конь царевича до смерти. А кто это слышит да ему скажет, тот будет по пояс каменный.

Только прокричали — напоззли шипучие гады.

— Погладит царевич любимую корову, а та его забодает, убьёт до смерти. А кто это слышит да царевичу скажет, тот весь будет каменный.

Уползли гады восвосяси, а Булат-молодец стоит и горькие слёзы льёт.

Утром-светом поехали дальше.

Долго ли, коротко ли, приехал царевич домой и женился на Ненаглядной Красоте.

Вот неделя прошла; говорит царевич молодой жене:

— Покажу я тебе мою любимую собаку.

Булат-молодец взял саблю и стал у крыльца. Вот ведут собачку: она вырвалась у псаря, прямо на крыльцо бежит, а Булат махнул саблей, разрубил собаку пополам. Иван-царевич на него разгневался, да за старую службу промолчал, ничего не сказал.

На другой день приказал царевич вывести своего любимого коня. Конь перервал аркан, вырвался у конюха, поскакал прямо к золотому крыльцу. Тут Булат-молодец выхватил саблю острую, отрубил коню голову. Тут Иван-царевич сильно разгневался, приказал было схватить его и повесить, а Ненаглядная Красота не дала.

— Старую службу вовек не забудь. Кабы не он, ты бы меня никогда не достал.

На третий день приказал Иван-царевич привести любимую корову, а Булат-молодец и ей голову срубил.

Тут Иван-царевич так разгневался, что никого и слушать не стал, позвал палача срубить голову Булату-молодцу.

— Ах, Иван-царевич! Иван-царевич! Коли ты хочешь меня казнить, так лучше я сам помру. Позволь только три речи сказать.

Рассказал Булат-молодец, как прилетели двенадцать голубиц и что ему говорили, — и окаменел по колено... Рассказал про двенадцать воронов — окаменел по пояс... Рассказал про двенадцать гадов — стал белым камнем горячим.

Горько плакал Иван-царевич, лила слёзы Ненаглядная Красота. Поставили они белый камень в особой горнице, каждый день ходили туда и горько плакали.

Много прошло годов.

Как-то плакал Иван-царевич над белым камнем горячим и вдруг слышит из камня голос:

— Что ты плачешь, рыдаешь?! Мне и так тяжело.

— Как мне не плакать! Верного друга я сгубил.

— Можешь, Иван-царевич, меня спасти: есть у тебя двое любимых детей, отведи их в лес дремучий лютым зверям на съедение.

Закручинился Иван-царевич. Рассказал он обо всём, что слышал, Ненаглядной Красоте; потужили они, погоревали, горько поплакали, завели своих милых детушек в дремучий лес, там оставили. Приехали домой и видят: стоит перед ними Булат-молодец краше прежнего. Обнимают его муж с женой, радуются, а сами горькие слёзы роняют.

— Что? Аль жалко любимых детушек?

— Жаль, Булат-молодец, да перед тобой душа чиста.

— Не горюйте, — говорит Булат-богатырь, — раньше времени. Пойдём-ка в лес, поглядим, что там с детками делается.

Пошли они в лес и видят: спят ребята под кустиком, а матушка-медведица их тёплым мхом укрывает, а лиса от них мух отгоняет. Живы-здоровы детки любимые!

Ох, и был тут пир на весь мир: три дня, три недели, три месяца.

Медное, серебряное и золотое царства

некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У него была жена Настасья — золотая коса и три сына: Пётр-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич.

Пошла раз царица со своими мамушками и нянюшками прогуляться по саду. Вдруг поднялся сильный Вихрь, подхватил царицу и унёс неведомо куда. Царь запечалился, закручинился, да не знает, как ему быть.

Вот подросли царевичи, он им и говорит:

— Дети мои любезные, кто из вас поедет свою мать искать?

Собрались два старших сына и поехали.

И год их нет, и другой их нет, вот и третий год начинается... Стал Иван-царевич батюшку просить:

— Отпусти меня, отец, матушку поискать, про старших братьев разузнать.

— Нет, — говорит царь, — один ты у меня остался, не покидай меня, старика.

А Иван-царевич отвечает:

— Все равно, позволишь — уйду и не позволишь — уйду.

Что тут делать?

Отпустил его царь.

Оседлал Иван-царевич своего доброго коня и в путь отправился.

Ехал-ехал... Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Доехал до стеклянной горы.

Стоит гора высокая, верушкой в небо упёрлась. Под горой — два шатра раскинуты: Петра-царевича да Василия-царевича.

— Здравствуй, Иванушка! Ты куда путь держишь?

— Матушку искать, вас догонять.

— Эх, Иван-царевич, матушкин след мы давно нашли, да на том следу ноги не стоят. Пойди-ка попробуй на эту гору взобраться, а у нас уже моченьки нет. Мы три года внизу стоим, наверх взойти не можем.

— Что ж, братцы, попробую.

Полез Иван-царевич на стеклянную гору. Шаг наверх ползком, десять — вниз кубарем. Он и день лезет, и другой лезет. Все руки себе изрезал, ноги искровянил. На третьи сутки долез доверху.

Стал на краю горы, братьям кричит:

— Я пойду матушку отыскивать, а вы здесь оставайтесь, меня дожидайтесь три года и три месяца, а не буду в срок, так и ждать нечего. И ворон моих костей не принесёт.

Отдохнул немного Иван-царевич и пошёл по горе.

Шёл-шёл, шёл-шёл. Видит: медный дворец стоит. У ворот страшные змеи на медных цепях прикованы, огнём дышат. А подле колодец, у колодца медный ковш на медной цепочке висит. Рвутся змеи к воде, да цепь коротка.

Взял Иван-царевич ковшик, зачерпнул студёной воды, напоил змеев. Присмирели змеи, прилегли. Он и прошёл в медный дворец. Вышла к нему медного царства царевна.

— Кто ты таков, добрый молодец?

— Я Иван-царевич.

— Что, Иван-царевич, своей охотой или неволей зашёл сюда?

— Ищу свою мать — Настасью-царицу. Вихрь её сюда утащил. Не знаешь ли, где она?

— Я-то не знаю. А вот недалеко отсюда живёт моя средняя сестра, может, она тебе скажет.

И дала ему медный шарик.

— Покати шарик, — говорит, — он тебе путь-дорогу до средней сестры укажет. А как победишь Вихря, смотри не забудь меня, бедную.

— Хорошо, — Иван-царевич говорит.

Бросил медный шарик. Шарик покатился, а царевич за ним вслед пошёл.

Пришёл в серебряное царство. У ворот страшные змеи на серебряных цепях прикованы. Стоит колодец с серебряным ковшом.

Иван-царевич зачерпнул воды, напоил змеев. Они улеглись и пропустили его. Выбежала серебряного царства царевна.

— Уже скоро три года, — говорит царевна, — как держит меня здесь могучий Вихрь. Я русского духу

слыхом не слыхала, видом не видала, а теперь русский дух сам ко мне пришёл. Кто ты такой, добрый молодец?

— Я Иван-царевич.

— Как же ты сюда попал: своей охотой или неволей?

— Своей охотой — ищу родную матушку. Пошла она в зелёный сад гулять, поднялся могучий Вихрь, умчал её неведомо куда. Не знаешь ли, где найти её?

— Нет, не знаю. А живёт здесь недалеко старшая сестра моя, золотого царства царица — Елена Прекрасная. Может, она тебе скажет. Вот тебе серебряный шарик. Покати его перед собой, ступай за ним следом. Да смотри, как убьёшь Вихря, не забудь меня, бедную.

Покатил Иван-царевич серебряный шарик, сам вслед пошёл.

Долго ли, коротко ли, видит: золотой дворец стоит, как жар горит. У ворот кишат страшные змеи, на золотых цепях прикованы. Огнём пышут. Возле колодец, у колодца золотой ковш на золотых цепях прикован.

Иван-царевич зачерпнул воды, напоил змеев. Они улеглись, присмирели. Зашёл Иван-царевич во дворец; встречает его Елена Прекрасная — красоты царевна неописанной.

— Кто ты таков, добрый молодец?

— Я Иван-царевич. Ищу свою матушку — Настасью-царицу. Не знаешь ли, где найти её?

— Как не знать? Она живёт недалеко отсюда. Вот тебе золотой шарик. Покати его по дороге — он доведёт тебя, куда надобно. Смотри же, царевич, как победишь ты Вихря, не забудь меня, бедную, возьми с собой на вольный свет.

— Хорошо, — говорит, — красота ненаглядная.

Покатил Иван-царевич шарик и пошёл за ним. Шёл,

шёл и пришёл к такому дворцу, что ни в сказке сказать, ни пером описать, — так и горит в скатном жемчуге и в камнях драгоценных. У ворот шипят шестиглавые змеи, огнём палят, жаром дышат.

Напоил их царевич. Присмирели змеи, пропустили его во дворец. Прошёл царевич большими покоями. В самом дальнем нашёл свою матушку. Сидит она на высоком троне, в царском наряде разукрашенном, драгоценной короной увенчана. Глянула она на гостя и вскрикнула:

— Иванушка, сынок мой! Как ты сюда попал?!

— За тобой пришёл, моя матушка.

— Ну, сынок, трудно тебе будет. Великая сила у Вихря. Ну, да я тебе помогу, силы тебе прибавлю.

Тут подняла она половицу, свела его в тайный подпол. Там стоят две кадки с водой — одна по правой руке, другая по левой.

Говорит Настасья-царица:

— Испей-ка, Иванушка, водицы, что по правую руку стоит.

Иван-царевич испил.

— Ну, что? Прибавилось в тебе силы?

— Прибавилось, матушка. Я бы теперь весь дворец одной рукой повернул.

— А ну, испей ещё!

Царевич ещё испил.

— Сколько, сынок, теперь в тебе силы?

— Теперь захочу — весь свет поворочу.

— Вот, сынок, и хватит. Ну-ка, переставь эти кадки с места на место. Ту, что стоит направо, отнеси на левую сторону, а ту, что налево, отнеси на правую сторону.

Иван-царевич взял кадки, переставил с места на место.

— Вот видишь ли, сынок: в одной кадке сильная вода, в другой — бессильная. Вихрь в бою сильную воду пьёт, оттого с ним никак не сладишь.

Воротились они во дворец. Говорит Настасья-царица:

— Скоро Вихрь прилетит. Ты схвати его за палицу. Да смотри не выпускай. Вихрь в небо взовьётся — и ты с ним; станет он тебя над морями, над горами высокими, над глубокими пропастями носить — а ты держись крепко, рук не разжимай. Умается Вихрь, захочет испить сильной воды, бросится к кадке, что по правой руке поставлена, а ты пей из кадки, что по левой руке...

Только сказать успела, вдруг на дворе потемнело, всё вокруг затряслось. Налетел Вихрь, влетел в горницу. Иван-царевич к нему бросился, схватился за палицу.

— Ты кто таков? Откуда взялся? — закричал Вихрь. — Вот я тебя съем!

— Ну, бабка надвое сказала! Либо съешь, либо нет.

Рванулся Вихрь в окно да в поднебесье. Уж он носил, носил Ивана-царевича... И над горами, и над морями, и над глубокими пропастями. Не выпускает царевич из рук палицы. Весь свет Вихрь облетал. Умаялся, из сил выбился. Спустился — и прямо в подпол. Подбежал к кадке, что по правой руке стояла, и давай воду пить.

А Иван-царевич налево кинулся, тоже к кадке припал.

Пьёт Вихрь — с каждым глотком силы теряет. Пьёт Иван-царевич — с каждой каплей силушка в нём прибывает. Сделался могучим богатырём. Выхватил острый меч и разом отсёк Вихрю голову.

Закричали позади голоса:

— Руби ещё! Руби ещё! А то оживёт!

— Нет, — отвечает царевич, — богатырская рука два раза не бьёт, с одного раза всё кончает.

Побежал Иван-царевич к Настасье-царице.

— Пойдём, матушка. Пора. Под горой нас братья ждут. Да по дороге надо трёх царевен взять.

Вот они в путь-дорогу отправились. Зашли за Еленой Прекрасной. Она золотым яичком покатила, всё золотое царство в яичко запрятала.

— Спасибо тебе, — говорит, — Иван-царевич, ты меня от злого Вихря спас. Вот тебе яичко, а захочешь — будь моим суженым.

Взял Иван-царевич яичко, а царевну в алые уста поцеловал.

Потом зашли за царевной серебряного царства, а там и за царевной медного. Захватили с собой полотна тканого и пришли к тому месту, где надо с горы спускаться.

Иван-царевич спустил на полотне Настасью-царицу, потом Елену Прекрасную и двух сестёр её.

Братья стоят внизу, ждут. Увидели мать — обрадовались. Увидели Елену Прекрасную — обмерли. Увидели двух сестёр — позавидовали.

— Ну, — говорит Василий-царевич, — молод-зелен наш Иванушка вперёд старших братьев становиться. Заберём мать да царевен, к батюшке повезём, скажем: нашими богатырскими руками добыты. А Иванушка пусть на горе один погуляет.

— Что ж, — отвечает Пётр-царевич, — дело ты говоришь. Елену Прекрасную я за себя возьму, царевну серебряного царства ты возьмёшь, а царевну медного за генерала отдадим.

Тут как раз собрался Иван-царевич сам с горы спускаться; только стал полотно привязывать, а старшие братья снизу взяли за полотно, рванули из рук у него и вырвали.

Остался Иван-царевич на горе один. Заплакал и пошёл назад. Ходил-ходил, нигде нет ни души. Скука смертная! Стал Иван-царевич с тоски-горя Вихревой палицей играть. Только перекинул палицу с руки на руку — вдруг, откуда ни возьмись, выскочили Хромой да Кривой.

— Что надобно, Иван-царевич? Три раза прикажешь — три наказа выполним.

Говорит Иван-царевич:

— Есть хочу, Хромой да Кривой!

Откуда ни возьмись, стол накрыт, на столе кушанья самые лучшие.

Покушал Иван-царевич, опять с руки на руку перекинул палицу.

— Отдохнуть, — говорит, — хочу!

Не успел выговорить — стоит кровать дубовая, на ней перина пуховая, одеяльце шёлковое. Выспался Иван-царевич — в третий раз перекинул палицу. Выскочили Хромой да Кривой.

— Что, Иван-царевич, надобно?

— Хочу быть в своём царстве-государстве.

Только сказал — в ту же минуту очутился Иван-царевич в своём царстве-государстве. Прямо посреди базара стал.

Стоит, озирается.

Видит: по базару идёт ему навстречу башмачник, идёт песни поёт, ногами в лад притопывает — такой весельчак!

Царевич и спрашивает:

— Куда, мужичок, идёшь?

— Да несу башмаки продавать. Я ведь башмачник.

— Возьми меня к себе в подмастерья.

— А ты умеешь башмаки шить?

— Да я всё, что угодно, умею. Не то что башмаки и платье сошью.

Пришли они домой, башмачник и говорит:

— Вот тебе товар самый лучший. Сшей башмаки, посмотрю, как ты умеешь.

— Ну, что это за товар?! Никуда не годится!

Ночью, как все заснули, взял Иван-царевич золотое яичко, покатыл по дороге. Стал перед ним золотой дворец. Зашёл Иван-царевич в горницу, вынул из сундука башмаки, золотом шитые, покатыл яичком по дороге, спрятал в яичко золотой дворец, поставил башмаки на стол, спать лёг.

Утром-светом увидал хозяин башмаки, ахнул.

— Этакие башмаки только во дворце носить!

В эту пору во дворце три свадьбы готовились: берёт Пётр-царевич за себя Елену Прекрасную, Василий-царевич — серебряного царства царевну, а медного царства царевну за генерала отдают.

Принёс башмачник башмаки во дворец. Как увидела башмаки Елена Прекрасная, сразу всё поняла.

— Знать, Иван-царевич, мой суженый, жив-здоров по царству ходит.

Говорит Елена Прекрасная царю:

— Пусть сделает мне этот башмачник к завтраму без мерки платье подвенечное, да чтобы золотом было шито, камнями самоцветными приукрашено, жемчугами усеяно. Иначе не пойду замуж за Петра-царевича.

Позвал царь башмачника.

— Так и так, — говорит, — чтобы завтра царевне Елене Прекрасной золотое платье было доставлено, а то на виселицу!

Идёт башмачник домой невесел, седую голову повесил.

— Вот, — говорит Ивану-царевичу, — что ты со мной наделал!

— Ничего, — говорит Иван-царевич, — ложись спать! Утро вечера мудренее.

Ночью достал Иван-царевич из золотого царства подвенечное платье, на стол к башмачнику положил.

Утром проснулся башмачник — лежит платье на столе, как жар горит, всю комнату освещает.

Схватил его башмачник, побежал во дворец, отдал Елене Прекрасной.

Елена Прекрасная наградила его и приказывает:

— Смотри, чтобы завтра к рассвету на седьмой версте, на море стояло царство золотое с золотым дворцом, чтобы росли там деревья чудные и птицы певчие разными голосами меня бы воспевали. А не сделаешь — велю тебя четвертовать.

Пошёл башмачник домой еле жив.

— Вот, — говорит Ивану-царевичу, — что твои башмаки наделали! Не быть мне теперь живому.

— Ничего, — говорит Иван-царевич, — ложись спать. Утро вечера мудренее.

Как все заснули, пошёл Иван-царевич на седьмую версту, на берег моря. Покатил золотым ячком. Стало перед ним золотое царство, в середине золотой дворец, от золотого дворца мост на семь вёрст тянется, вокруг деревья чудные растут, певчие птицы разными голосами поют.

Стал Иван-царевич на мосту, на перильцах гвоздики приколачивает.

Увидала дворец Елена Прекрасная, побежала к царю.

— Посмотри, царь, что у нас делается?!

Посмотрел царь и ахнул.

А Елена Прекрасная и говорит:

— Вели, батюшка, запрягать карету золочёную, поеду в золотой дворец с царевичем Петром венчаться.

Вот поехали они по золотому мосту.

На мосту столбики точёные, колечки золочёные. А на каждом столбике голубь с голубушкой сидят, друг дружке кланяются да говорят:

— Помнишь ли, голубушка, кто тебя спас?

— Помню, голубок, спас Иван-царевич.

А около перил Иван-царевич стоит, золотые гвоздики приколачивает.

Закричала Елена Прекрасная громким голосом:

— Люди добрые! Задержите скорей коней вороных. Не тот меня спас, кто рядом со мной сидит, а тот меня спас, кто у перильцев стоит!

Взяла его за руку, посадила с собой рядом, в золотой дворец повезла, тут они и свадьбу сыграли. Вернулись к царю, всю правду ему рассказали.

Хотел было царь старших сыновей казнить, да Иван-царевич на радостях упросил их простить.

Выдали за Петра-царевича царевну серебряного царства, за Василия-царевича — медного.

Был тут пир на весь мир!

Тут и сказке конец.

МЕДВЕЖКО, УСКІНЯ, ГОРЬІНЯ И ДУБКІНЯ

некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик со старухой. Всего у них было вдоволь, а детей не было.

Вот раз старуха принесла с огорода репку и положила её в печь, чтоб распарилась. Старик из дому ушёл, старуха одна дома была, пряжу пряла.

Вдруг слышит старуха тоненький голосок:
— Открой, бабушка, тут жарко.

Испугалась старуха, поглядела в сени — никого нет; вернулась в избу и опять слышит:

— Да открой же, бабушка, жарко мне!

И голос будто из печки несётся. Открыла бабка за-слонку и видит: лежит в печке девочка, да такая хоро-шенькая, словно репка кругленькая.

Обрадовалась старуха, позвала старика; вытащили они девочку, вымыли её, высушили и назвали Репкой.

Растёт Репка не по дням, а по часам. Дед да баба на неё не нарадуются.

Вот выросла Репка в девушку, пошла в лес по ягоды и заблудилась. Идёт, идёт, глядь — стоит в лесу избушка. Зашла Репка в избушку, а там на столбе Медведь сидит, граблями спину чешет.

Испугалась Репка, а Медведь ей говорит:

— Не пугайся, девушка, я тебя давно жду. Мне хозяйка нужна, будешь у меня в тепле, в сытости жить, за мной, Мишенькой, ходить.

Как Репка ни плакала, как ни молила, Медведь её не отпустил.

Притащил Медведь сани, прицепил к потолку, лёг в сани, одеяльцем накрылся.

— Качай меня, Репка, прибаюкивай!

Репка его качает, слёзы льёт, прибаюкивает:

— Баю-бай, старое чудище!

— Не так, — говорит Медведь, — сказывай: «Баю-бай, милый друг».

Нечего делать, стала качать да приговаривать:

— Баю-бай, милый друг.

Так и прожила Репка у Медведя два года.

Раз Медведь ушёл далеко на охоту, а Репка замок сломала, из избушки убежала. Пришла к деду с бабкой, стала у них жить.

Долго ли, коротко ли, родила Репка сына — Ивана Медведко.

Начал Медведко расти не по дням, а по часам; что ни час, то выше подаётся, словно кто его вверх тащит.

Стукнуло ему пятнадцать лет, стал он с ребятами играть и шутки шутить нехорошие: кого за руку хватит — рука прочь; кого за голову — голова прочь.

Пришли мужики к старику жаловаться:

— Как хочешь, земляк, а чтобы сына твоего здесь не было: он нам всех детей переведёт.

Запечалился старик, закручинился.

— Что ты, дедушка, так невесел? — спрашивает Медведко. — Али кто тебя избидел?

Вздыхнул старик.

— Ах, внучек, один ты у меня, и то велят тебя из села прогнать.

— Ну что же, дедушка, это ещё не беда; пойдика сделай мне железную дубинку в двадцать пять пудов.

Сделал старик ему в двадцать пять пудов дубинку, и пошёл Медведко куда глаза глядят.

Идёт путём-дорогой, пришёл к реке шириной в три версты; на берегу стоит человек, запер реку ртом, рыбу ловит усом, на языке варит да кушает.

— Здравствуй, Усыня-богатырь!

— Здравствуй, Медведко. Куда идёшь?

— Сам не ведаю, иду куда глаза глядят.

— Возьми меня с собой.

— Пойдём, брат! Я товарищу рад.

Пошли вдвоём и увидали богатыря. Захватил тот целую гору и несёт в овраг.

Удивился Медведко:

— Вот чудо так чудо! Уж больно силён ты, Горынюшка.

— Ох, братцы, какая во мне сила? Вот есть на белом свете Ивашка-Медведко, так у него и впрямь сила великая.

— Да ведь это я!

— Куда же ты, Медведко, идёшь?

— А куда глаза глядят.

— Возьми и меня с собой!

— Ну пойдём, я товарищам рад.

Пошли дальше втроем и увидели: чудо-богатырь в лесу работает: который дуб высок — тот в землю толкает, а который низок — из земли тянет.

Удивился Ивашка:

— Что за сила у тебя, Дубынюшка!

— Разве это сила? Вот Ивашка-Медведко тот и впрямь силён.

— А это я и есть.

— Куда же ты путь держишь?

— Сам не знаю, Дубынюшка!

— Ну, возьми меня с собой!

— Идём, я товарищам рад.

Стало друзей четверо.

Шли они путём-дорогой; долго ли, коротко ли, зашли в тёмный, дремучий лес. В том лесу стоит малая избушка на курьих ножках и всё повёртывается.

Говорит ей Ивашка:

— Избушка, избушка, стань к лесу задом, к нам передом!

Избушка повернулась к ним передом, двери сами растворились, окна раскрылись.

Вошли богатыри в избушку — нет никого, а возле избушки хлевец, полный овец.

— Ну, братцы, останемся здесь на время, отдохнём с дороги.

Ну, ночь ночевали ничего: всё тихо было.

Утром-светом говорит Ивашка-Медведко:

— Ну, братцы, всем нам дома сидеть не годится, давайте кинем жребий — кому дома оставаться, кому на охоту идти.

Кинули жребий — пал он на Усыню-богатыря.

Названные братья на охоту ушли, а Усыня зарезал барана, настряпал, наварил, чего душа захотела, вымыл голову, сел под окошечко и начал гребешком кудри расчёсывать.

Вдруг закрутилось-замутилось, застучало-загремело — и вошёл старичок — сам с перст, усы на десять вёрст.

Глянул сердито и закричал на Усыню:

— Как смел в моём доме хозяйничать? Как смел моего барана зарезать?

Отвечает Усыня:

— Не кричи! Прежде вырасти, а то тебя от земли не видать! Вот возьму шей ложку да хлеба крошку, всего тебя заплесну.

Старичок с ноготок ещё пуще озлобился:

— Я мал, да удал!

Схватил горбушку хлеба и давай Усыню по голове бить. До полусмерти прибил, чуть живого оставил и бросил под лавку; потом съел зажаренного барана и ушёл в лес.

Усыня обвязал голову тряпицей, лежит да охает.

Воротились братья и спрашивают:

— Что с тобой, братец, сделалось?

— Эх, милые, затопил я печку, да от великого жара разболелась у меня головушка — весь день пролежал, не мог ни варить, ни жарить.

На другой день остался дома Горыня-богатырь, наварил, настряпал, сел под окошечко, подрёмывает; вдруг застучало-загремело, отворилась дверь, вошёл старичок — сам с ноготок, борода с локоток.

— Тут мне попить-погулять у Горынюшки.

А Горыня ему в ответ:

— Ишь ты! Незванный просишься! Не для тебя жарил, парил, целый день трудился.

— Так-то ты меня потчуешь!

Схватил старичок железный толкач, бил Горыню, бил, под лавку забил; съел всё до крошки и прочь пошёл. Воротился Ивашка-Медведко с братьями.

— Ну-ка, Горынюшка, что ты нам на обед сготовил?

— Ах, братцы милые, ничего не варил; печь угарная, дрова сырые, так угорел, что и силы нет.

Снова легли спать, не ужинавши.

На третий день братья на охоту пошли, а Медведко дома остался. Выбрал он лучшего барана, зарезал его и зажарил. Избу прибрал и лёг на лавочку. Вдруг застучало-загремело — идёт во дворе старичок — сам с перст, усы в десять вёрст; на голове целый стог сена тащит, а в руках большой чан воды несёт; поставил чан с водой, раскидал сено по двору и принялся овец считать. Видит, не хватает одного барана, рассердился, разгневался, вбежал в избушку и ну Медведку тузить.

Ивашка вскочил, ухватил старичка за длинные усы и ну таскать по всей избе; таскает да приговаривает:

— Не узнал броду — не суйся в воду.

Взмолился старичок — сам с перст, усы в десять вёрст.

— Смилуйся, сильно могучий богатырь, отпусти меня на все четыре стороны.

А Медведко его не слушает; вытащил старика на двор, подвёл к дубовому столбу и в тот столб забил ему усы, железным клином заклинил; потом воротился в избу, сидит да братьев дожидается.

Пришли братья с охоты и дивуются, что он цел-невредим, да изба прибрана, да обед на столе.

Ивашка-Медведко усмехается:

— Пойдём-ка, братцы, ведь я ваш угар поймал, к столбу привязал.

Выходят на двор, смотрят, старичок давно убежал, только усы на столбе мотаются. А у столба глубокая дыра.

Пошёл Ивашка в лес, надрал лык, свил верёвку и велел братьям спустить себя под землю. Опускался, опускался и очутился в подземном царстве.

Увидел Ивашка дорожку торную и пошёл по ней; шёл-шёл — стоит дворец; во дворце сидят три девицы, три красавицы и говорят ему:

— Ах, добрый молодец, ты зачем сюда зашёл? Держит нас в плену старый старичок — сам с перст, усы в десять вёрст; у него сила в усах непомерная, он тебя убьёт, твои косточки сжует.

— Ничего, — говорит Ивашка, — его усы на столбе мотаются.

Зашёл он к старичку в горницу, ухватил его за правую ногу, ударил о железный пол, тут тому и смерть пришла.

Воротился Ивашка к девицам, забрал их с собой и повёл к норе да как крикнет:

— Тащи, Усыня, вот тебе жена!

Богатыри девицу вытащили и опустили верёвку снова вниз. Привязал Ивашка другую сестру:

— Тащи, Горыня, вот тебе жена!

И ту вытащили.

Привязал Медведко меньшую сестру и крикнул:

— А это моя жена!

Тут Дубыня рассердился, обиделся и, как стали Медведко тащить, взял Дубыня топор и разрубил верёвку надвое.

Упал Ивашка в подземное царство, больно зашибся и заплакал.

— Братья вы, братья, неверные друзья. Я к вам с добром, а вы ко мне со злом.

Ну что поделаешь?

Побрёл Медведко по нехоженным тропам, устал, да и есть хочется; вдруг видит: в гнезде пять птенцов сидят. Каждый птенец — что добрый баран.

Хотел Медведко одного птенца убить, а птенцы криком кричат:

— Не тронь нас, Ивашка, будет матушка наша, птица Могол, горькие слёзы лить.

Зажалел Ивашка птицу, не тронул птенцов.

Вдруг шум-гром — налетела птица Могол, закричала страшным голосом:

— Фу-фу-фу! У моего гнезда русским духом пахнет! Я тебя, молодец, одним глотком проглочу.

А птенцы ей кричат:

— Не тронь его, матушка! Он голоден был, а нас не обидел.

— Ну, раз так, проси у меня, молодец, чего хочешь.

— Вынеси меня, птица Могол, на белый свет, на Русскую землю.

— Хорошо, — говорит птица Могол, — пойди в кладовую Бабы Яги, приготовь сто бочек еды, сто бочек воды, тогда в путь отправимся.

Пошёл Медведко во дворец, нашёл кладовую Бабы Яги, а там еды видимо-невидимо.

Поел Ивашка, попил, заготовил сто бочек еды, сто бочек воды, сел сам, и в путь отправились.

Летит птица Могол, словно ветер, беспрестанно поворачивается.

Как повернётся птица Могол, Медведко ей в горло бочку еды кидает, бочку воды льёт.

Вот уж близок белый свет — Русская земля, а у Медведко ни куска мяса нет.

Обернулась птица Могол.

— Дай мне, Ивашка, глоток еды, а то долететь мне силы нет.

Что тут делать?

Взял Медведко острый нож, отрезал икры с обеих ног, бросил птице Могол в красную пасть.

Тут птица Могол его на белый свет вынесла.

Попрошался с ней Ивашка и в путь пошёл, еле идёт, прихрамывает.

— Эй, Ивашка, чего захромал?

— Я тебе, птица Могол, свои икры скормил.

— Что раньше не сказал?

Выплюнула птица Могол Ивашкины икры, приложила к его ногам. Приросли икры, стал Ивашка цел-здоров.

Ну, идёт он чистым полем, видит: красная девица скотину пасёт. Подошёл к ней поближе и узнал свою невесту.

— Что, умница, делаешь?

— Скотину пасу. Сёстры мои за богатырей замуж идут, а я не хочу идти за Дубыню, так он прогнал меня за коровами ходить.

— Ну, не плачь, красавица, долго не находишься.

Вечером красная девица погнала скотину домой, а Ивашка-Медведко за ней вслед пошёл.

Пришёл в избу. Усыня, Горыня и Дубыня сидят за столом да вино пьют.

Говорит им Ивашка:

— Добрые люди! Поднесите мне хоть одну рюмочку!

Поднесли ему рюмку, он другую запросил.

Дали ему другую — он третью сам взял.

Распалилось в нём богатырское сердце, выхватил он боевую палицу и прогнал Усыню, Горыню и Дубыню из царства прочь.

Потом взял свою любимую невесту, воротился к старику и старухе и сыграл весёлую свадьбу.

И я на свадьбе был, мёд, вино пил, по усам текло, а в рот не попало. Дали мне пива корец — тут моей сказке конец.

БОЙ НА КАМЕННОМ МОСТУ

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицей. Всем хорошо жили, только не было у них детей. Вот раз царице приснилось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруду ёрш с золотым хвостом. Снится царице, что если она этого ерша съест, то родится у неё сын. Наутро рассказала она царю про свой сон. Позвал царь рыбаков, велел разыскать тихий пруд, закинуть в него шёлковый невод. Закинули рыбаки невод, и попался им ёрш с золотым хвостом. Обрадовалась царица, кликнула свою любимую подружку, попову дочь, и говорит:

— Вели, подружка, приготовить ерша к обеду, да смотри, чтобы никто к нему не притронулся.

Стала девушка-чернавка ерша варить, а попова дочь всё у печки вертится.

«Что за рыба такая диковинная?» — думает. Оторвала золотое пёрышко с левого боку да и съела.

Тут и девушка-чернавка не вытерпела — оторвала пёрышко с правого боку да и в рот. А потом царица ерша съела, тарелочку почистила.

Вот, скоро ли, долго ли, родились у каждой по сыну-молодцу. У царицы — Иван-царевич, у поповны — Иван-попович, у Чернавки — крестьянский сын.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам. Как хорошее тесто на дрожжах поднимается, так они вверх тянутся. К десяти годам богатырями стали — никому с ними не управиться. Силушка по жилушкам бежит могучая, кого за руки хватят — рука прочь, кого за ногу потянут — нога вон. Только друг с другом играть не могли.

Вот пошли они раз гулять по саду, увидали громадный камень. Упёрся в него руками Иван-царевич — чуть пошевелился. Взялся за него Иван-попович — на палец приподнял. Ухватился Иван — крестьянский сын — за гудел камень, покатился, деревья в саду поломал.

Под тем камнем дверь железная за семью замками, за десятью печатями, а за дверью подвал. В подвале — три коня богатырские, по стенам оружие ратное развешано. Вывели молодцы коней, стали себе оружие выбирать. Каждый себе по сердцу оружие взял. У Ивана-царевича на коне сбруя золочёная, в руках меч золотой. У Ивана-поповича у коня сбруя посеребрённая, в руках копьё серебряное. А у Ванюшки, крестьянского сына, сбруя у коня мочальная, в руках дубинка железная.

Только подъехали они ко дворцу, ко тесовому крыльцу, выбежала царица из горенки, слезами заливается:

— Сыны мои милые, напали на нашу страну страшные вороги, змеи лютые, идут на нас через речку Смородину, через чистый Калинов мост! Всех людей окрест половили, землю разорили, ближние царства огнём пожгли.

— Не плачь, матушка, отстоим мы речку Смородину, не пустим змея через Калинов мост.

Словом-делом, собрались — поехали. Приезжают к реке Смородиной, видят: по всему берегу кости лежат человечесьи, всё кругом огнём сожжено, вся земля русской кровью полита. У Калинова моста стоит избушка на курьих ножках.

— Ну, братцы, — говорит Иван-царевич, — тут нам жить и дозор нести, не пускать врагов через Калинов мост. Давайте по очереди караул держать.

Кинули жребий. Досталось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, вторую — Ивану-поповичу, а третью — Ванюшке.

Вот ночь настала.

Надел Иван-царевич золотые доспехи, взял меч, в дозор отправился.

Ждёт-пождёт — тихо на речке Смородиной. Лёг Иван-царевич под ракитовый куст да и заснул богатырским сном.

А Ванюшке в избушке не спится, не лежится, седло под головой вертится. Встал Ванюшка, взял дубинку железную, вышел к речке Смородиной. А у Калинового моста, под кустом, Иван-царевич спит-храпит, как лес шумит.

Вдруг в реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает Чудо-юдо шестиглавый змей. Как дыхнет на все стороны — на три версты всё огнём пожёт! Ступил его конь ногой на Калинов мост. Рассердился тут Иван — крестьянский сын:

— Ты куда со своей лапой на чистый Калинов мост?

Выскочил Ванюшка, размахнулся дубинкой железной — три головы, как кочны, съёл; размахнулся ещё

разок, ещё три сшиб. Головы отрезал, под мост положил, туловище в реку столкнул. Пошёл в избушку да и спать лёг.

Утром-светом вернулся с дозора Иван-царевич. Братья его и спрашивают:

— А что, царевич, как ночь прошла?

— Тихо, братцы. Мимо меня и муха не пролетела.

Сидит Ванюшка, помалкивает.

На другую ночь пошёл в дозор Иван-попович. Ждёт-пождёт — тихо на речке Смородиной. Лёг Иван-попович под ракитов куст и заснул богатырским сном. Среди ночи взял Ванюшка железную палицу, пошёл на речку Смо родину. А у Калинова моста, под кустом, Иван-попович спит-храпит, как лес шумит.

Вдруг в реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает Чудо-юдо девятиглавый змей. Под ним конь споткнулся, ворон на плече встрепенулся, сзади пёс ошетинился.

Рассердился девятиглавый змей:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься! Нет для меня на всём свете противника!

Отвечает ему ворон с правого плеча:

— Есть тебе на свете противник — русский богатырь Иван — крестьянский сын.

— Иван — крестьянский сын не родился, а если родился, то на войну не сгодился, я его на ладонь посажу, другой прихлопну — только мокренько станет.

Рассердился Ванюшка:

— Не хвались, вражья сила! Не поймав ясного сокола, рано перья щипать, не побившись с добрым молодцем, рано хвастаться.

Вот сошлись они, ударились — только земля кругом застонала. Чудо-юдо девятиглавый змей Ивана по щиколотку в землю вбил. Разгорячился Ванюшка, разошёлся, размахнулся дубинкою — три головы змея, как кочны, снёс.

— Стой, Иван — крестьянский сын, дай мне, Чудо-юду, роздыху!

— Какой тебе роздых, вражья сила! У тебя девять голов, а у меня одна.

Размахнулся Иванушка, ещё три головы снёс, а Чудо-юдо ударил, по колена в землю вогнал. Тут Ванюшка изловчился, захватил горсть земли и бросил змею в глаза.

Пока змей глаза протирал, брови прочищал, Иван — крестьянский сын сшиб ему три головы. Головы отрезал, под мост положил, туловище в воду бросил.

Утром-светом вернулся с дозора Иван-попович, спрашивают его братья:

— А что, попович, как ночь прошла?

— Тихо, братцы. Только комар над ухом пищал.

Тут Ванюшка повёл их на Калинов мост, показал им змеиные головы:

— Эх вы, сони непробудные! Разве вам воевать — вам бы дома на печи лежать!

На третью ночь собирается в дозор Ванюшка. Обувает сапоги яловые, надевает рукавицы пеньковые, старшим братьям наказывает:

— Братья милые, я на страшный бой иду, лежите — не спите, моего крика слушайте.

Вот стоит Ванюшка у Калинова моста, за ним земля русская.

Пошло время за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались. Выезжает Змей Горыныч,

Чудо-юдо двенадцатиглавое. Каждая голова своим напевом поёт, из ноздрей пламя пышет, изо рта дым валит. Конь под ним о двенадцати крылах, шерсть у коня железная, хвост и грива огненные.

Въехал змей на Калинов мост. Тут конь под ним споткнулся, ворон на плече встрепенулся, сзади пёс оцетинился. Чудо-юдо коня плёткой по бёдрам, ворона — по перьям, пса — по ушам.

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься? Али вы думаете, Иван — крестьянский сын здесь? Да если он народился да и на войну сгодился, я только дуну — от него прах останется.

Рассердился тут Ванюшка, выскочил:

— Не побившись с добрым молодцем, рано, Чудо-юдо, хвастаешь!

Размахнулся Ванюшка, сбил змею три головы, а змей его по щиколотку в землю вогнал, подхватил свои три головы, чиркнул по ним огненным пальцем — все головы приросли, будто век не падали. Дыхнул на Русь огнём — на три версты всё пожёг кругом.

Видит Ванюшка, плохо дело, схватил камешек, бросил в избушку — братьям знак подать. Все окошечки вылетели, ставенки в щепы разнеслись — спят братья, не слышат.

Собрал силы Ванюшка, размахнулся дубинкой — сбил змею шесть голов. Змей огненным пальцем чиркнул — приросли головы, будто век не падали, а сам Ванюшку по колени в землю вбил. Дыхнул огнём — на шесть вёрст русскую землю сжёг.

Снял Ванюшка пояс кованый, бросил в избушку — братьям знак подать. Разошлась крыша тесовая, пока-

тились ступеньки дубовые — спят братья, храпят, как лес шумят.

Собрал Ванюшка последние силы, размахнулся дубинкой, сшиб змею девять голов. Вся сыра земля дрогнула, вода всколебалась, орлы с дубов попадали. Змей Горыныч подхватил свои головы, чиркнул огненным пальцем — приросли головы, будто век не падали, а Ванюшку по пояс в землю вогнал. Дыхнул огнём — на двенадцать вёрст русскую землю сжёг.

Снял Ванюшка рукавицу пеньковую, бросил в избушку — братьям знак подать. Раскатилась избушка по брёвнышку.

Проснулись братья, выскочили. Видят: вздыбилась речка Смородина, с Калинового моста кровь бежит, на русской земле стон стоит, на чужой земле ворон каркает. Бросились братья на помощь Ванюшке. Пошёл тут богатырский бой. Чудо-юдо огнём палит, дымом душит. Иван-царевич мечом бьёт. Иван-попович копьём колет. Земля стонет, вода кипит, ворон каркает, пёс воеет.

Изловчился Ванюшка и отсёк змею огненный палец. Тут уж стали братья бить-колотить, отсекли змею все двенадцать голов, туловище разрубили, в воду бросили.

Отстояли Калинов мост.

Утром рано-ранёшенько вышел Иван — крестьянский сын в чистое поле, оземь грянулся, обернулся мушкой и полетел в змеиное царство. Долетел Иванушка до змеиного дворца, опустился на окошечко. Сидят в белокаменной палате три змеиных жены, слёзы льют:

— Убил Иван наших любимых мужей, осиротил малых сыновей! Как Ивану — крестьянскому сыну с братьями мстить будем?

Старшая жена золотые косы чешет, громким голосом говорит:

— Напушу я голод, сама выйду на дорогу, сделаюсь яблоней. Кто моё яблочко сорвёт, враз умрёт.

Средняя жена серебряные волосы чешет, громким голосом говорит:

— А я напушу сушь, жажду великую, сама сделаюсь колодцем с ключевой водой. Кто моей воды попоёт, враз умрёт.

Третья жена медные волосы чешет, громким голосом говорит:

— А я сон напушу на глаза, обернусь сама тесовой кроватью, пуховой периной. Кто на кровать ляжет, огнём сгорит.

Всё Иванушка выслушал, всё на сердце сложил. Полетел в чисто поле, оземь грянулся, добрым молодцем стал. Пошёл в дозорную избу, разбудил братьев и говорит:

— Братья мои милые, убили мы змеев — остались змеёныши. Надо самое гнездо разорить, пепел развеять, а то не будет на Калиновом мосту покоя.

Вот собрались, мост переехали, по змеиному царству поехали. Едут, едут, кругом ни двора, ни сада, ни поля — всё огнём сожжено. Стали братья на голод жаловаться, а Иванушка помалкивает. Вдруг видят: стоит яблоня, а на яблоне золотые яблоки. Обрадовались братья, коней погоняют, к яблоне поспевают, а Ванюшка поскакал вперёд и давай рубить яблоню, топтать, давить яблоки — только стон да треск пошёл. Братья сердятся, а Иванушка помалкивает.

Едут дальше. Долго ли, коротко ли, пала жара страшная, а кругом ни речки, ни ключа. Вдруг видят: на жёлтом песке, на крутом угорье, стоит колодец золотой

с ключевой водой, на воде чарочка золотая плавает. Бросились братья к колодцу, а Иванушка впереди. Стал он рубить колодец, воду мутить, чарочку топтать — только стон да треск по степи пошёл. Братья злятся, а Иванушка помалкивает.

Ну, поехали дальше. Долго ли, коротко ли, напал на братьев сон, накатила дрёма. Глаза сами закрываются, богатыри в сёдлах качаются, на гривы коням падают. Вдруг видят: стоит кровать тесовая, перина пуховая. Братья к кровати спешают, а Иванушка впереди всех, им лечь не даёт.

Рассердились братья, за мечи схватились, на Иванушку бросились, а Иванушка им и говорит:

— Эх, братцы любимые, я вас от смерти спас, а вы на меня злобитесь! Ну-ка, гляньте сюда, богатыри русские.

Схватил Иванушка сокола с правого плеча, на кровать бросил — сокол огнём сгорел! Братья так и ахнули. Вот они ту кровать в мелкие щепочки изрубили, золотым песком засыпали.

Доехали богатыри русские до змеиного дворца, дворец сожгли, пепел по ветру развеяли да со славой домой возвратились.

ПОКАМИГОРОШЕК

некотором царстве, в некотором государстве, на море-окияне, на острове Буяне растёт дуб зелёный, под дубом бык печёный, у него в боку нож точёный; сейчас ножик вынимается, и сказка начинается.

А это ещё не сказка, а только присказка. А кто мою сказку будет слушать, тому соболь и куница, прекрасная девица, сто рублей на свадьбу, пятьдесят — на пир.

Жили-были дед да баба, и были у них два сына и одна дочь. Дочь, хоть и крестьянская девушка, звания простого, богатства малого, а красоты неописанной.

Собрались раз братья в дальнее поле пахать и взяли с собой хлеба на три дня.

Вот отец им и говорит:

— Там работы на девять дней. Когда вы хлеб съедите, вам сестра принесёт ещё.

А идти на то дальнее поле нужно было через дремучий лес по запутанным тропам, по кривым поворотам.

Вот сестра и спрашивает:

— Как же, братцы, я вас найду, по какой тропинке вам хлеб принесу?

— А мы будем по дороге щепки бросать: по этой примете ты нас найдёшь.

— Ну ладно, хорошо.

Пошли братья через лес, стали щепки на дорогу бросать.

А в том лесу жил Семиглавый Змей; летал он над лесом, всё видел, все разговоры слышал, собрал эти щепки, на другую тропинку побросал.

Пошла девушка по той тропочке, идёт, идёт — лес всё черней, всё гуще, и зверь по нему не пробегивает, и птица над ним не пролётывает...

Испугалась девушка и вдруг видит: стоит золотой дворец, открываются ворота медные и выходит Семиглавый Змей страшней страшного.

— Здравствуй, умница! Давно я тебя дожидаюсь, давно до тебя добираюсь, а теперь ты сама ко мне пришла. Забывай, красавица, отца с матерью, родных братьев, тесовый двор. Будешь теперь у меня век вековать, горя и заботы не знать, только меня, Змея Семиглавого, любить и привечать.

Заплакала девица, да делать нечего.

Увёл её Змей в золотой дворец, запер накрепко медные ворота.

А братья три дня пахали, хлеб весь приели; не стало им пищи — они бросили пахать и пошли домой. Приходят домой к отцу с матерью.

— Что же вы, матушка, нам не порадили, хлеба-квасу нам не прислали?

— Как так, родные? Вам сестра вчера хлеб понесла.

Затосковали братья, заплакали:

— Пропала наша сестра любимая, заблудилась в дремучем лесу, затонула в глубоком болоте.

Собрал старший брат хлеба в котомку, соли да луковку, острый нож за пояс сунул.

— Я пойду, — говорит, — свою сестру искать, домой не вернусь, пока её не найду.

Долго ли, коротко ли, приходит он к золотому дворцу. Отворил он медные ворота, видит: на серебряном дворе, на золотой лавке сидит его сестра, длинные косы чешет, горькими слезами плачет. Увидала она брата, вскочила на резвые ноги, горше прежнего заплакала:

— Ты зачем, братец, сюда пришёл? Сложишь ты здесь свою буйную голову, меня не избавишь и себя погубишь.

— Пусть я себя погублю, только бы мне на тебя наглядеться.

— Постой ты здесь, братец, — говорит сестра, — а я пойду Змея спрошу, что он скажет на то, что ты в гости пришёл.

Приходит она к Семиглавому Змею:

— Семиглавый Змей, злой господин, что бы ты сделал, кабы мой старший брат в гости пришёл?

— В гости пришёл, я бы за гостя и принял.

Привела сестра брата в горницу. Змей его честь по чести встречает, за стол сажает.

— Ступай, жена, принеси железных бобов да медного хлеба... Ну, кушай, шурин любезный, кушай досыта.

Взял брат медного хлеба, железных бобов, подержал да на стол положил. Усмехнулся Змей:

— Верно, ты, шурин, сыт, что моим хлебом-солью брезгуешь? Пойдём теперь посмотрим, как твоя сестра живёт, бедней или богаче, чем у отца с матерью.

И повёл его по золотому дворцу, а у него добра всякого видимо-невидимо: на конюшне двенадцать лошадей, в хлеву двенадцать коров, золота, серебра, жемчуга и годами не счесть.

— Ну что, шурин, ты богаче или я?

— У меня и десятой доли нет твоего добра, зятюшка.

— Ну, пойдём за мной, я тебе ещё что-то покажу.

И приводит его к дубовой колоде: четыре сажени толщины, двенадцать длины.

— Если ты эту колоду без топора порубишь, так пойдёшь домой.

Вот старший брат говорит:

— Хоть сейчас меня убей, а я этого сделать не могу.

Рассердился Семиглавый Змей, раскричался:

— Полно тебе сюда ходить дураку-мужику, мякинному языку, и ещё брататься со мной вздумалось! Коли ты мне брат, то и свинья — сестра! Ты не только со мной разговаривать, ты не должен на меня глаз поднять; не достоин ты сюда ходить и мой дом пакостить.

Убил старшего брата Семиглавый Змей и за волосы на медные ворота повесил.

Вот и другой брат тоже пошёл сестру искать и нашёл её во дворе у Змея.

Заплакала сестра, зарыдала:

— Ах, братец, братец, убьёт тебя Змей, как старшего.

— Пускай убьёт, только бы я с тобой повидался.

— Постой же тут, я пойду спрошу, что Семиглавый Змей скажет.

И приходит она к Семиглавному Змею, кланяется ему в чёрные ноги.

— Что скажешь, жёнка? Вижу я твой усердный вид и покорное лицо. Говори, не бойся.

— Ах, Семиглавый Змей, грозный муж! Что бы ты сделал, кабы второй мой брат в гости пришёл?

— Что бы я сделал? За гостя бы принял.

— Может, примешь его так, как старшего?

— Я старшего убил потому, что он мне нагрубил, не умел со мной по чести разговаривать. Пускай приходит, этого я приму.

Выходит сестра во двор и говорит брату:

— Ты ему, братец, покорись, ни в чём Змею не перечь! Встретил Змей брата честь по чести, за стол посадил.

— Давай, жена, железных бобов и медного хлеба.

Принесла жена полхлеба и чашечку бобов.

— Эй, жена, — закричал Змей, — плохо гостя потчуешь! Верно, старший твой брат недоволен был, что ты мало ему подала. Возьми это, принеси как следует.

Заплакала сестра, принесла ковригу хлеба, блюдо бобов, а гость и в руки еду не берёт.

— Благодарствуй, зятюшка, я сыт, не голоден.

— Ну, коли так, пойдём хозяйство смотреть.

И повёл его по всем хоромам, стал своим добром хватать.

— Ну как, шурин любезный, кто из нас богаче живёт?

— У меня и десятой доли того добра нет.

Привёл его Змей к дубовой колоде: четыре сажени толщины, двенадцать сажен длины.

— Видишь ты, шурин, дубовую колоду? Если ты без топора её порубишь, без огня спалишь, то пойдёшь домой, а не то будешь висеть рядом с братом.

— Хоть сейчас убей, а у меня это сделать силы нет.

Убил его Семиглавый Змей, на медные ворота за волосы повесил. Приходит Змей в свои хоромы и видит жену в большой тоске и жалобе.

— Ах, муж ты мой немилостивый, Семиглавый Змей, за что ты моих братьев убил? Нет у меня больше ни роду, ни племени, только мать с отцом. Предай ты меня злой смерти, Семиглавый Змей, чтобы мне на земле не жить, горьких слёз не лить.

— Нет, милая, я этого не сделаю; а достал бы я твоего отца и мать, то и их бы убил, чтоб ты ни о ком не думала, со мной веселей жила.

В ту пору, в то времечко шла мать по воду и горько плакала:

— До чего я дождалась на старости?! Одни мы живём, солому жуём, ни детей, ни хлеба в избе не видим.

Вдруг видит: катится по дороге горошина. Взяла она ту горошину и съела. С этого зёрнышка и родился у ней ребёночек, и назвали его Покатигорошек.

Растёт Покатигорошек не по дням, а по часам, как пшеничное тесто на дрожжах. Дед и баба на него не любят, не насмотрятся; отдали его в школу; другие ребята четыре года в школе сидят, а он в один год всему выучился.

Приходит он из училища к отцу, к матери.

— Ну, тятенька и мамонька, благодарите моих учителей, а мне уже в школу ходить нечего: я теперь знаю больше их. И прошу я вас, тятенька и мамонька, скажите мне всю правду, всю истину, я ли у вас единственный сын или есть у меня братья и сестрёнки?

Заплакала мать и всю правду ему рассказала.

— Не плачь, мамонька, я пойду своих братьев искать: или жив не буду, или их домой добуду.

На другой день поутру он встал, умылся, на четыре стороны поклонился.

— Позволь мне, мамонька, перед походом погулять.

Ну, пошёл себе на улицу гулять и нашёл железную спицу, поднял её и отцу принёс.

— На тебе, батя, это железо, неси кузнецу и сделай мне булаву семипудовую!

Отец ему ничего не говорит, а сам думает: «Дал же мне господь детище не такое, как у добрых людей; я его вскормил, выучил, а он надо мной насмехается; можно ли из спицы булаву в семь пудов сковать?»

Купил отец железа семь пудов и дал кузнецу сделать булаву. Сделали булаву семипудовую и привезли к дому. Вышел Покатигорошек из горницы, взял свою булаву семипудовую и кинул её за облако ходячее, а сам пошёл в свою горницу.

— Матушка-голубушка, дай мне перед походом поспать да от мух сбереги.

Заснул Покатигорошек богатырским сном; три часа проспал, потом вышел на отцовский двор, упал на сырую землю правым ухом и крикнул своего отца:

— Батя, пойдй сюда. Слышишь, в небе шумит и гудёт? Это моя булава до земли идёт.

Подставил Покатигорошек правое колено, ударила его булава по колену и переломилась пополам.

Рассердился Покатигорошек на отца.

— Отчего ты не сделал булавы из той бабьей спицы, что я тебе дал? Возьми её, ступай к кузнецу, сделай новую мне палицу!

Бросили кузнецы спицу в огонь, начали молотками бить и клещами тянуть и сделали булаву семипудовую и ещё железа на два лемеха осталось.

Взял Покатигорошек свою булаву семипудовую и отправился в путь, в чистую дорогу. Пришёл к медным воротам, к золотому дворцу.

Выходит к нему сестра навстречу; он с ней здоровается и так говорит:

— Здравствуй, милая и родная сестра.

А она ему в ответ:

— Какой ты мне брат! Мои братья на воротах висят.

Тут он ей всё рассказал, и она горько заплакала:

— Зачем ты, мой младшенький, сюда забрёл? Только горя и слёз мне прибавится. Постою у ворот, я у Змея спрошу, что с тобой сделать прикажет.

Приходит она к Семиглавому Змею. Говорит ей Семиглавый Змей:

— Ох, жёнка, не с весёлым видом ко мне идёшь; что у тебя приключилось?

— Ох, Семиглавый Змей, мой немилостивый муж, мой самый младшенький брат в гости пришёл.

— Коли он самый младший, я с ним разговаривать мало буду, ступай призови его.

Покатигорошек вошёл в горницу:

— Здравствуй, зятюшка!

— Ах ты, молокосос! Материнское молоко на губах не обсохло, а туда же в зятя просится! Ну, что же, погости...

И подвинул ему Семиглавый Змей железную лавку. Покатигорошек на ту лавку сел — лавка треснула.

— А что, зятюшка, в лесу живёшь, а лавка у тебя хуленькая. Или нет у тебя плотников хороших, чтобы сделали лавку покрепче?

Семиглавый Змей задумался: «Верно, я попался в добрые клещи».

— Ну, давай, жёна, напитков-заедков.

Приносит она решето железных бобов и медного хлеба.

— Изволь кушать, шурин любезный!

— Благодарствую, зятюшка, — говорит Покатигорошек, — я без всякой просьбы буду кушать, как в родном доме: нагулялся и есть хочу.

И как стал бобы щёлкать и хлеб жевать — только Змей глаза раскрыл.

— Доволен ли ты, шуринок?

— Доволен не доволен, а коли больше нечего дать, так и спрашивать нечего.

Приуныл Семиглавый Змей и говорит:

— Ну, пойдём посмотрим на моё богатство: я ли богаче, ты ли?

И повёл его по всем хоромам, по кладовым, хлевам, конюшням.

— Ну, шуринок, у тебя больше добра или у меня?

— Я не богат, да и у тебя ничего нет.

— Ой, шурин, грубо со мной говоришь! Ну, пойдём, я тебе покажу штуку.

И приводит его к дубовой колоде: четыре сажени толщины, двенадцать сажен длины.

— Если ты эту колоду без топора порубишь, без огня спалишь, так пойдёшь домой. А нет — будешь с братьями на воротах висеть.

— Да ты не грозись, дай мне дело сделать.

Толкнул Покатигорошек дубовую колоду мизинным пальцем — разлетелась колода в мелкие щепы. Дунул Покатигорошек на мелкие щепы — стал из щеп серый пепел.

— Ну, я своё дело сделал, а теперь ты меня, Семиглавый Змей, слушайся: будем мы с тобой биться не на живот, а на смерть.

Дунул Семиглавый Змей — сделал медную площадку,

а Покатигорошек дунул — сделал серебряную площадку.

И стали они биться не на живот, а на смерть.

Ударил Семиглавый Змей — вбил Покатигорошка в серебряный пол по лодыжки. А Покатигорошек ударил — вбил Семиглавого Змея в медный пол сразу по колено. Размахнулся Змей, вбил Покатигорошка по колено, а Покатигорошек Змея — по пояс. Говорит Семиглавый Змей:

— Постой, шуринок, отдохнём.

— Да ещё не очень притомились.

— Видно, шурин, я от тебя погиб.

— А я затем, Семиглавый Змей, и пришёл.

Молит его Семиглавый Змей:

— Бери всё моё добро, оставь меня только жизнь доживать.

— Я бы оставил тебя жизнь доживать, да ты меня молкососом назвал, это мне очень тяжело снести. Нет тебе прощенья! Больше с тобой и говорить не хочу.

Змей пришёл в великую злобу, распустил свою кровь по всем жилам, дал простор своим ретивым плечам, ударил Покатигорошка и вбил его в землю по пояс.

Рассердился Покатигорошек:

— Полно мне с тобою шутки шутить, слишком долго я с тобой балую.

И ударил Змея Покатигорошек в третий раз и вбил его по самую шею в медный пол, взял свою булаву семипудовую и снёс Змею семь поганых голов. Тут его жизнь кончилась.

Налетел ворон с воронятами, начал змеиные головы клевать. Покатигорошек схватил воронёнка за ногу. Закричал ворон человеческим голосом:

— Отпусти, молодец, моего любимого сына, я тебе, что хочешь, сделаю.

— Принеси мне, ворон, живой и мёртвой воды, а не то воронёнку живому не быть.

Полетел ворон за тридевять земель, в тридесятое царство, в иное государство, достал живой и мёртвой воды и принёс Покатигорошку.

Отпустил Покатигорошек воронёнка на волю.

Пошёл Покатигорошек к медным воротам, снял своих старших братьев, брызнул мёртвой и живой водой — стали братья целы, живы и веселы. Привёл Покатигорошек братьев к родной сестре и говорит:

— Братья мои родные, любимая сестра! Берите себе золотой казны, сколько вам надобно, и пойдём домой к отцу с матерью.

И пришли они все домой здоровёхоньки, стали дружно жить, отца с матерью кормить.

ПО КОЛЕНУ НОГИ В ЗОЛОТЕ

некотором царстве, в некотором государстве жил-был один старик, и было у него три дочери. Вот раз дочери пошли на озеро сорочки полоскать. А по тому озеру на лодочке плыл царь — весёлый человек — и песни пел.

Вот старшая дочка и говорит:

— Взял бы меня царь замуж, я бы весь мир одним караваем хлеба накормила.

А вторая и говорит:

— А меня бы царь замуж взял, я бы всё войско его одним куском холста одела.

А младшая своё:

— Взял бы меня царь замуж, я бы принесла ему двух сыновей: по колену ноги в золоте, по локти руки в серебре, на каждой волосинке по жемчужинке.

Услыхал всё это царь, подъехал к ним и говорит:

— Одевайтесь, девушки, собирайтесь, девушки, по-

едем со мной во дворец. Будет старшая у меня поварихой, средняя у меня ткачихой, а младшая любимой женой.

Как сказано, так и сделано. У царей не пиво курить, не мёды варить, честным пирком да за свадебку.

Вот много ли, мало ли времени прошло, собрался царь по своим делам и в далёкие края уехал. А царица в это время сына родила. По колено ноги в золоте, по локоточки руки в серебре, на каждой волосинке по жемчужинке.

Понесла старшая сестра царевича в баню. В предбаннике ударила его по спине да и говорит:

— Был ты царский ребёнок, будь ты серый волчонок.

Оборотился царевич серым волчонком и в лес побежал.

А старшая сестра грамоту пишет: «Обещалась твоя царица принести хорошего ребёнка, а принесла щенка. Я его велела в колодец бросить».

А царь ей в ответ: «Первая вина не считается. Моей жены обижать не смей!»

Ну, ладно, хорошо; много ли, мало ли времени прошло, родила царица второго сына. По колено ноги в золоте, по локоточки руки в серебре, на каждой волосинке по жемчужинке. Понесла его средняя сестра в баню мыть. Ударил по спине и говорит:

— Был ты царский ребёнок, стань ты серый волчонок!

Оборотился царевич серым волчонком и в лес побежал.

А средняя сестра царю пишет: «Обещалась твоя жена принести хорошего ребёнка, а принесла щенка. Я его велела в колодец бросить».

А царь ей в ответ: «Первая вина не считается, а вторая вина прощается, подождём, что дальше будет».

Много ли, мало ли времени прошло, родила царица третьего сына. И хорош, и бел, и румян, и на ногу резв, да мальчик как мальчик, как у всех женщин рождаются.

Тут старшая сестра царю грамоту пишет: «Обещалась твоя жена принести хорошего ребёнка, а принесла гнилой пенёк, я его велела в печку бросить!»

Тут ей царь в ответ: «Третья вина не прощается. Куда хочешь жену с глаз моих долой прогони».

Велели сёстры большую бочку выкатить. Посадили в неё царицу с царевичем и пустили в море-океан. Бочка день плывёт и другой плывёт. Иван-царевич не по дням, а по часам растёт. Выбросила волна бочку к острову.

Поднатужился Иван-царевич, поднапружился, выбил дно и на волю с матушкой вышел.

Смотрят они — кругом голо. Людей не видать, птиц не слышать. Идут по берегу и слёзы роняют. Вдруг видят: лежит кремень да огниво.

— Ох, матушка, — говорит Иван-царевич, — гляди, кремень да огниво. Разожгём-ка костерок, согреемся на часок.

Взял кремень да огниво, стал огонь высекать, а вместо огня выскочили два молодца.

— Что прикажешь, Иван-царевич, вмиг сделаем!
Удивился Иван-царевич и говорит:

— Чтобы мне сейчас тут, на острову, стал золотой дворец с тёплыми палатами, да чтоб кушанья были изготовлены, да перинушки взбиты, да печки стоплены. Раз, два — и готово!

Раз, два — и готово! Встал на острове золотой дворец. В нём кушанья приготовлены, перинушки взбиты, печки стоплены. И стал Иван-царевич с матушкой там жить-поживать, добра наживать.

Раз там ехали корабельщики. Увидели на острове дворец, как жар, горит; пристали к острову. Их царица встречает, в гости зовёт:

— Заезжайте, корабельщики, ко мне, наесться, напиться, на моё чудо подивиться.

Корабельщики у неё ели-пили, на чудо дивились, а отудова поехали в царство к старому царю. Царь корабельщиков спрашивает:

— Далеко ли, корабельщики, ездили? Что вы, корабельщики, видели?

— Видели мы, царь, чудо великое. Был на море-океане пустынный остров. Раньше рос там дремучий лес, да разбой стоял. Нельзя было ни пешему пройти, ни конному проехать, а теперь стоит там золотой дворец, в нём живёт честная вдова со своим сыном Иванушкой.

Удивился царь, разохался:

— Мне бы тот дворец поглядеть, на то чудо посмотреть!

А старшая сестра, злая лиходейка, тут и вывернись:

— Это, царь-батюшка, не чудо, а полчудища. Вот есть чудо так чудо — золотая сосна, под ней серебряный столб, у столба кот-баюн: в праву сторону пойдёт — сказки-байки поведёт, голосом потянет — трава повянет.

Вот поехали корабельщики обратным путём. Заезжают в золотой дворец, говорят честной вдове:

— Много мы про твой дворец рассказывали, а нам говорят: «То чудо какое! Есть чудо в других местах — золотая сосна, под сосной серебряный столб, у столба кот-баюн: в праву сторону пойдёт — сказки-байки поведёт, голосом потянет — трава повянет».

Тут Иван-царевич припечалился. А корабельщики в путь отправились.

Долго ли, коротко ли, приезжают снова корабельщики. Заезжают в золотой дворец. Только стали пить, есть, веселиться, а Иван-царевич на двор пошёл, вынул кремь да огниво. Выскочили два молодца:

— Что велишь, что желаешь, хозяин?

— Чтоб мне через час с минуточкой была здесь золотая сосна, под ней серебряный столб, у столба кот-баюн: голосом потянет — трава повянет.

Как сказано, так и сделано.

Увидали корабельщики кота-баюна, разохались. Стали они в путь собираться.

А Иван-царевич оборотился мушкой, им вслед полетел. Приезжают корабельщики в царство к старому царю. И Иван-царевич на плече у корабельщика сидит, всё слушает.

Говорят корабельщики старому царю:

— Ну, царь-батюшка, навидались мы дива чудного — золотая сосна, под ней серебряный столб, у столба кот-баюн: в праву сторону пойдёт — сказки-байки поведёт, голосом потянет — трава повянет; а то диво чудное у честной вдовы на далёком острове.

— Вот бы мне поглядеть, — царь говорит.

А средняя сестра тут и вывернись:

— Это не чудо, царь-батюшка. Чудо — это два паренька, два царевича — по колено ноги в золоте, по локоточки руки в серебре, на каждой волосинке по жемчужинке.

Рассердился Иван-царевич, полетел к себе на дальний остров. Рассказал обо всём матушке. Тут царица горько заплакала:

— Эх, Иван-царевич, были у тебя такие братья, да извели их мои злые сёстры.

Взял Иван-царевич кремень да огниво. Выскочили два молодца:

— Что прикажешь, хозяин?

— Чтобы через час с минуточкой были у меня здесь два царевича: по колено ноги в золоте, по локоточки руки в серебре, на каждой волосинке по жемчужинке.

А они ему в ответ:

— Этого сделать, Иван-царевич, у нас силы нет: это сделать только ты сам можешь. Иди прямой дорогой в нехоженный лес; там в избушке живут два серых волка. Это и есть два брата-царевича. Возьми с собой два пшеничных хлебца, замеси ты тесто на материнском молоке. Ухватят волки те хлебцы, станут сразу людьми. А не то они тебя съедят, белых косточек не оставят.

Пошёл Иван-царевич к матушке. Всё ей рассказал. Замесила царица два пшеничных хлеба на своём молоке; взял их Иван-царевич, завернул в полотенце и в путь отправился. Зашёл он в лес дремучий. Нашёл старую избушку. Положил на стол два пшеничных хлебца. Сам за печку спрятался. Набежали тут два серых волка. Один говорит:

— Фу-фу-фу, русским духом пахнет! Кто тут есть, кого бы нам съесть?

А другой говорит:

— Что ты, братец, погляди получше, лежат на столе два пшеничных хлебца, это от них такой дух идёт.

Ухватили волки по белому хлебу, проглотили их, почувяли материнское молоко, об пол грянулись, стали царевичами: по колено ноги в золоте, по локотки руки в серебре, на каждой волосинке по жемчужинке.

Тут Иван-царевич из-за печки вышел. Обнял их, поцеловал, всё им рассказал, домой повёл.

Долго ли, коротко ли, приезжают корабельщики.

Подозвала их к себе царица:

— Заезжайте ко мне, корабельщики, наесться, напиться, моему чуду дивиться.

Увидали корабельщики царевичей, удивились, разохались.

Поехали в царство к старому царю. Стали они ему про царевичей рассказывать. Тут царь не выдержал, с трона вскочил.

— Это, верно, мои сыновья любимые. Я поеду с вами, корабельщики, на них поглядеть и себя показать.

Как его злые сёстры ни уговаривали, сел царь на корабль, поплыл к острову. Подъезжает корабль к острову. Видит царь: золотой дворец, как жар, горит, у дворца золотая сосна, под сосной серебряный столб, у столба кот-баюн: в праву сторону пойдёт — сказки-байки поведёт, голосом потянет — трава повянет.

Взошёл царь на крыльцо. А тут открылись двери дубовые, и вышла молодая царица, с нею Иван-царевич да два царевича: по колено ноги в золоте, по локотки руки в серебре, на каждой волосинке по жемчужинке.

Царь на царицу взглянул, сразу жену узнал, а царевичи ему в ноги падают.

— Здравствуй, — говорят, — родимый батюшка!

Уж как тут царь обрадовался! И остался он на острове жить со всей семьёй. А злых сестёр в бочку посадили, горячей смолой засмолили, в море-океан опустили. Так им и надо!

КУЗЬМА СКОРОБОГАТЫЙ

ил-поживал Кузенька один-одинёшенек в тёмном лесу. Был у него худой домишко, да один петушок, да пять курочек. Повадилась к Кузеньке Лисичка-сестричка ходить. Пошёл он раз на охоту; только от дому отошёл, а Лисичка тут как тут. Прибежала, заколола одну курочку, изжарила и съела. Воротился Кузенька. Хвать — нет курочки!

«Ну, — думает, — верно, коршун утащил».

На другой день опять пошёл на охоту. Попадается ему навстречу Лисичка-сестричка и спрашивает:

- Далеко ли, Кузенька, идёшь?
- На охоту, Лисичка-сестричка.
- Ну, прощай!

Побежала Лисичка-сестричка к нему в домишко, заколола курочку, изжарила и съела.

Пришёл домой Кузенька, хватился — нет курочки. Вот он и догадался: «Это Лисичка-сестричка моих курочек таскает».

На третий день Кузенька заколотил двери-окна крепко-накрепко, и сам будто на охоту собрался.

Откуда ни возьмись, Лисичка-сестричка и спрашивает:

— Далеко ли идёшь, Кузенька?

— На охоту, Лисичка-сестричка.

— Ну, прощай!

Побежала Лисичка к дому, а Кузенька за ней. Прибежала Лисичка, обошла кругом домишко, видит: окна-двери заколочены, — как попасть в избу?

Взяла да и спустилась в трубу.

Тут Кузенька и поймал Лисичку.

— Вот, — говорит, — какой вор ко мне жалуется! Постой-ка, сударушка, я теперь тебя живой из рук не выпущу.

Взмолилась Лисичка-сестричка:

— Не убивай меня, Кузенька! Я тебя счастливым сделаю. Только изжарь для меня курочку с масличком, да пожирней.

Поверил ей Кузенька, зажарил ей курочку. Лисичка-сестричка курочку съела, маслицем живот себе смазала. Побежала на царские заповедные луга, стала на тех заповедных лугах кататься, громким голосом вопить:

— У-у-у! У царя была в гостях, на дубовых сидела скамьях, чего хотела — пила и ела, завтра опять пойду.

Бежит мимо Волк — серый бок и говорит:

— Эх ты, хитрая Лиса! Где так жирно наелась?

— Ах, любезный Волчок-куманёк, была я у царя на пиру, чего хотела — пила и ела, завтра опять пойду.

Вот Волк — серый бок и просит:

— Лисонька-кумушка, не сведёшь ли меня к царю на обед?

— Сведу, — Лисонька говорит. — Только собери сорок сороков серых волков, поведу вас всех на пир к царю.

На другой день Волк согнал сорок сороков серых волков. Лисичка-сестричка повела их к царю.

Волки во двор, а Лисичка-сестричка побежала в белокаменные палаты, поклонилась царю в ноги.

— Здравствуй, царь! Кузьма Скоробогатый прислал тебе гостинцу: сорок сороков серых волков. Вели их в клетки загнать, на замки запереть.

Велел царь волков запереть, а сам думает: «Верно, Кузьма Скоробогатый — богатый человек, что такой гостинец прислал».

На другой день Лисичка съела у Кузеньки ещё одну курочку, побежала в заповедные луга, стала по траве кататься. Ковылял мимо Медведь-толстопят. Увидел Лисоньку и говорит:

— Эко ты, хвостатая, как сытно наелась!

А Лисица ему:

— У-у-у! Была у царя в гостях, сидела на дубовых скамьях, чего хотела — пила и ела, завтра опять пойду.

Взмолился ей Мишка-толстопят:

— Лисонька-голубушка, не сведёшь ли меня на царский обед?

— Сведу, — говорит, — только собери сорок сороков чёрных медведей; для одного тебя царь беспокоиться не захочет.

Ну, на другой день Медведь-толстопят собрал сорок сороков чёрных медведей. Лиса повела их к царю.

Медведи во двор. Лиса в палаты.

— Здравствуй, царь! Прислал тебе Кузьма Скоробогатый сорок сороков чёрных медведей. Вели их запереть в стены крепкие.

Царь тому и рад. Приказал их загнать и запереть крепко-накрепко, а сам думает: «Вот беда! Каков богач этот Кузьма-сосед!»

На другой день прибежала Лисичка к Кузеньке, съела последнюю курочку, стала на заповедных лугах валяться.

Бегут мимо Соболь с Куницей и спрашивают:

— Эх ты, лукавая Лисица! Где так жирно накушалась?

— Ах вы, Соболь и Куница! Я у царя в превеликом почёте. Была у него в гостях, сидела на дубовых скамьях, что хотела — пила и ела, сегодня опять пойду. Вчера волков да медведей с собой брала. Сами знаете волков, как они жадны да завистливы. Будто сроду жирного не едали, до сих пор у царя объедаются! А про Мишку-толстопятого и говорить нечего — до того ест, что еле дышит.

Стали Соболь и Куница Лисичку-сестричку упрашивать:

— Кумушка-голубушка, сведи ты нас к царю.

— Сведу, — говорит, — только соберите сорок сороков соболей да куниц, для вас двоих царь и беспокоиться не захочет.

На другой день собралось сорок сороков соболей да куниц.

Лисичка-сестричка их к царю повела. Пришла и говорит:

— Прислал тебе Кузьма Скоробогатый в гостинец сорок сороков соболей да куниц.

«Ну, — думает царь, — о таком богаче я слыхом не слыхал».

Дня не прошло — опять Лисичка-сестричка к царю явилась.

— Здравствуй, царь, — говорит, — дай пудовую меру Кузьме Скоробогатому, серебро мерить. Его мерки все золотом заняты.

Дал ей царь пудовую меру.

Заткнула Лисичка за обручи две серебряные денежки, отнесла меру назад к царю.

«Эх, — думает царь, — какой богач!»

Только новый день занялся, только царь встал, откушал, а Лисичка уж тут как тут. Кланяется низко и говорит:

— Здравствуй, царь! Не отдашь ли дочку за Кузьму Скоробогатого?

— Что ж, — говорит царь, — за такого богача и царевну отдать можно. Пускай приезжает свататься!

Побежала Лисичка-сестричка к Кузьме.

— Идём, Кузенька, к царю свататься!

— Что ты, Лисичка-сестричка, у меня и одёжи ведь нету.

— Ничего, — говорит, — Кузенька, всё у нас будет.

Пошёл Кузьма к царю, а Лисичка вперёд побежала, у моста сваи подрезала. Взошёл Кузьма на мост, подломился мосток, Кузьма в воду упал.

Побежала Лисичка к царю.

— Царь, беда случилась! Подломился твой мосток. Кузьма в воду упал. Потонули кареты золочёные, потонули слуги верные. Кузьма мокрым-мокрёшенек на берегу сидит, с шёлкового кафтана вода бежит, из сафьяновых сапожек капает.

Велел царь дать Кузьме свою одежду.

А Лисичка-сестричка и говорит:

— Ох-ти мне тошнёхонько! Эту одежду Кузьма и не наденет. Нет ли во дворце получше?

Велел царь дать Кузьме свою праздничную одежду.

— Ну, — говорит Лисичка-сестричка, — эту, может, и станет носить.

Послал царь за Кузьмой карету золочёную, тройкой лошадей запряжённую. Приехал Кузьма к царю молодец-молодцом.

Тут и сосватали за Кузьму царевну. Долго не мешкали, честным пирком да за свадебку.

У царя день живёт и другой живут. Вот царь и говорит:

— Ну, любезный зять, поедем к тебе гостить, твоего житья узнавать.

Что тут делать?

Стали собираться, а Лисичка-сестричка вперёд побежала. Бежала, бежала, видит: пастухи стадо овец пасут. Лисичка спрашивает:

— Пастухи, пастухи, вы чьих овец пасёте?

— Мы — Змея Горыныча.

— Ой, пастухи, не сказывайте, что Змея Горыныча, а сказывайте, что Кузьмы Скоробогатого. А то едут Царь-огонь да Царица-молния, они вас спалят-сожгут.

— Хорошо, Лисичка-сестричка, спасибо тебе!

Встретила Лисичка-сестричка стадо коров.

— Пастухи, пастухи! Вы чьи пастухи будете?

— Мы — Змея Горыныча.

— Ой, пастухи, не сказывайте, что Змея Горыныча, сказывайте, что Кузьмы Скоробогатого. А то едут Царь-огонь и Царица-молния, они вас спалят-сожгут.

— Хорошо, Лисичка-сестричка, спасибо тебе!

Побежала Лисичка дальше, увидела табун коней.

— Пастухи, пастухи! Чьих коней пасёте?

— Змея Горыныча.

— Ой, пастухи, не сказывайте, что Змея Горыныча, сказывайте, что Кузьмы Скоробогатого, а то едут Царь-огонь и Царица-молния, они вас спалят, огнём сожгут.

— Хорошо, Лисичка-сестричка, спасибо тебе!

Побежала Лисичка-сестричка дальше, прибежала к Змею Горынычу в золотой дворец.

— Ну-ка, Змей Горыныч, надо тебе скоро-наскоро спрятаться. Едут грозный Царь-огонь и Царица-молния, всё жгут-палят и твои стада с пастухами сожгли, тебе только час жизни остался. Забейся, Змей Горыныч, в солому, может, тебя Царь-огонь и не увидит, смерть тебя минет.

Забился Змей Горыныч в солому, а Лисичка-сестричка ту солому подожгла. Змея в пепел сожгла.

А Кузьма Скоробогатый едет себе да едет, с молодой женой да старым царём.

Доезжают они до стада овечьего. Молодая жена и спрашивает:

— Пастушки, пастушки, чьё стадо пасёте?

— Кузьмы Скоробогатого.

Царь тому и рад.

— Ну, любезный зять, много же у тебя овец!

Поехали дальше. Доезжают до стада коровьего.

— Пастушки, пастушки, чьё стадо пасете?

— Кузьмы Скоробогатого.

— Ну, любезный зятюшка, много же у тебя коров!

Доезжают до табуна конского.

— Пастухи, пастухи, чей табун пасёте?

— Кузьмы Скоробогатого.

— Ну, любезный зятюшка, много же у тебя коней! Доезжают они до золотого дворца.

Лисонька их встречает, вводит в палаты белокаменные, подводит к столам убранным. Кузенька удивляется да помалкивает, а Лисонька ему на ухо шепчет:

— Всё твоё теперь, Кузенька. Отслужила я тебе курочек.

Вот они там день живут и другой живут; они год живут и другой живут; они век живут и нас в гости ждут.

два ивана

или-были два брата — два Ивана: Иван-богатый да Иван-бедняк. У Ивана-богатея полна изба всякого добра, полны закрома крупного зерна, ходят коровушки в зелёной дубровушке, ходят овечки около речки, в горячей печи пышны калачи — всего много, а семья — он да жена. Нет у Ивана-богатея ни малых, ни больших ребят.

А у Ивана-бедняка всей скотины — что лягушка в тине да кошка в лукошке. А ребят семеро. Семеро ребят — все на лавочке сидят, каши гречневой хотят. А в доме ни крупичицы, ни мучицы. Делать нечего, пошёл Иван-бедняк к богатому брату.

— Здравствуй, братец!

— Здравствуй, Иван-бедняк! Зачем пришёл? Что дома не сидишь?

— Дай мне, братец, муки взаймы. Я тебе потом отработаю.

— Хорошо, — говорит Иван-богате́й, — на́ тебе муки мисочку, а вернёшь мешок.

— Что ты, братец, за мисочку да мешок! Не много ли?

— А много, так ступай от порога, иди в другое место. Делать нечего. Заплакал Иван-бедняк, взял мисочку с мукой и пошёл домой.

Только до своих ворот дошёл, как налетел тут ветер, завыл, закрутил, сдунул всю муку из мисочки — только пыль на донышке осталась, — и прочь полетел.

Рассердился Иван-бедняк:

— Ах ты, озорной ветер северный, ты моих детушек избидел, голодными оставил! Найду я тебя, заставлю за озорство ответить!

И пошёл Иван-бедняк за ветром вслед.

Ветер по дороге — Иван по дороге. Ветер в лес — Иван в лес.

Набрили на большущий дуб. Ветер в дупло — и Иван в дупло.

Увидел ветер Ивана и говорит:

— Чего ты, мужичок, ко мне в гости зашёл?

— Так и так, — Иван говорит, — нёс я голодным ребятам муки горсточку, а ты, озорной, налетел, завыл, муку рассеял. С чем я теперь домой приду?

— Только-то! — ветер говорит. — Ну, не горюй! На тебе скатерть-самобранку: чего хочешь, всё тебе будет.

Обрадовался Иван, поклонился ветру, домой побежал.

Дома скатерть на стол положил и говорит:

— Дай мне, скатерть-самобранка, поесть-попить!

Только сказано — как на скатерти и пироги, и калачи, и с мясом щи, и окорок свиной, и кисель овсяной.

Наелся Иван с ребятами и спать лёг. А утром только сели завтракать, как Иван-богате́й пришёл.

Как увидал Иван-богате́й полный стол, покраснел от злости:

— Ты что, брат, богачом стал?

— Богачом не богачом, а сыт буду и тебя накормлю. Вот я тебе мешок муки должен, сейчас отдам. Скатерть-самобранка, дай мешок муки!

Только сказано — мешок муки на столе стоит.

Взял Иван-богате́й муку, слова не сказал, из избы вышел.

Только вечер настал, прибегает снова к брату Иван-богате́й.

— Братец, родненький, помоги, не оставь! Наехали гости из богатого села, а у меня и печь не топлена, и хлеба не печено, нечем потчевать. Дай, братец, на час, на два твою скатёрку!

Ну, Иван-бедняк и дал ему скатерть-самобранку.

Богате́й гостей накормил, со двора проводил, скатерть-самобранку в сундук спрятал, а Ивану-бедняку такую самую, да только простую, скатерть отнёс.

— Спасибо, братец! — говорит. — Пообедали.

Стал Иван-бедняк с ребятами за ужин садиться. Расстелил скатёрочку.

— Скатерть-самобранка, дай поужинать!

Лежит скатерть бела-чиста, а ужина нет как нет. Побежал Иван-бедняк к богатею.

— Что ты, братец, с моей скатёркой сделал?

— Знать не знаю, ведать не ведаю! Какую взял, такую и отдал.

Заплакал Иван-бедняк, домой пошёл. Ну, день прошёл, второй пролетел, ребята плачут, есть просят. В доме ни мучицы, ни крупы. Делать нечего, пошёл Иван-бедняк к богатому брату.

— Здравствуй, братец!
— Здравствуй, Иван-бедняк! Зачем пришёл, чего дома не сидишь?
— Ребята плачут, есть просят. Дай мне, братец, муки, или крупы, или хлебушка.
— Нет у меня для тебя ни муки, ни крупы, ни хлебушка, а возьми, коли хочешь, в погребочке на бочке блюдо киселя.

Взял Иван блюдо киселя, домой отправился. Идёт по дороге, а солнышко светит, пригревает, в киселе играет. Стал кисель таять, с блюда бежать, да и пролился на дорогу. Только лужица на пути осталась.

Рассердился Иван-бедняк:

— Ах ты, солнце неразумное! Тебе игра, а моим ребятам горе. Найду я тебя, заставлю за озорство ответить!

И пошёл Иван солнце искать. Шёл, шёл, а солнце всё впереди, только к вечеру солнце за горой село. Тут Иван его и нашёл.

Увидало солнце Ивана и говорит:

— Ты чего, Иван, ко мне в гости пришёл?

— Так и так, — говорит Иван. — Нёс я домой голодным ребятам кисель, а ты, солнце неразумное, как стало пригревать, в киселе играть, стал кисель таять да весь на дорогу вылился. С чем я теперь домой пойду?

— Ничего, — говорит солнце, — я тебя избидело, я и помогу. Дам я тебе козочку из моего стада. Ты её желудями корми, из неё золото дои.

Поклонился Иван солнышку, погнал козу домой.

Накормил её желудями, стал доить. А вместо молока у козы золото бежит. Стал Иван хорошо жить, ребят кормить.

Услыхал про козу Иван-богатея, прибежал к брату.

— Здравствуй, братец!

— Здравствуй, Иван-богате́й!

— Выручи, братец родименький, дай на часок твою козу. Надо мне долг отдавать, а денег нет.

— Бери, да только без обману.

Взял Иван-богате́й козу, надоил золота, козу в клеть спрятал, а Ивану-бедняку простую козу погнал.

— Спасибо, братец, выручил!

Накормил Иван-бедняк козу желудями, стал доить... Течёт молоко по вымечку, из вымечка по копытечкам, а золота нет как нет.

Побежал Иван-бедняк к богатею, а тот:

— Знать не знаю, ведать не ведаю! Какую брал, такую и отдал.

Заплакал Иван-бедняк, домой пошёл. Ну, дни прошли, недели пролетели, ребята плачут: есть хотят. Зима пришла суровая, а дома ни мучицы, ни крупы. Делать нечего, пошёл Иван-бедняк к богатому брату.

— Ребята плачут, есть просят. Дай, братец, муки горсточку!

— Не будет тебе ни муки, ни крупы, а хочешь — возьми в каморке на полке вчерашние щи.

Взял Иван-бедняк миску вчерашних щей и домой пошёл.

Идёт, а вьюга гудит, мороз трещит, примораживает. Стал мороз со щами играть: ледком затащит, снежком запорошит. Играл, играл да и заморозил щи до самого дна. Лежит в миске тёмная льдинка, а есть нечего.

Рассердился Иван-бедняк:

— Ах ты, мороз — красный нос! Тебе игра, а ребятам горе. Найду я тебя — за озорство ответишь!

И пошёл Иван-бедняк за морозом. Мороз по полям —

Иван по полям. Мороз в леса — Иван в леса. Лёг мороз под большой сугроб — и Иван туда.

Удивился мороз:

— Ты чего, Иван, ко мне в гости зашёл?

— Так и так, — Иван говорит. — Нёс я ребятам вчерашние щи, а ты заиграл, щи приморозил. С чем я теперь домой пойду? Скатерть-самобранку да козу-золотодойку брат отнял, а ты щи перепортил.

— Только-то! — мороз говорит. — На тебе за это сумочку-выручалочку. Скажешь: «Двое из сумы!» — двое выскочат; скажешь: «Двое в суму!» — двое спрячутся.

Поклонился Иван, домой пошёл. Пришёл домой, суму вынул да и говорит:

— Двое из сумы!

Тут как выскочат, тут как выпрыгнут из сумы две дубинки сосновые, как начнут Ивана бить, приговаривать:

— Не верь, бедняк, богачу! Не верь, Иван, богатому брату, уму-разуму учись!

Еле Иван дух перевёл да крикнуть успел: «Двое в суму!»

Улеглись дубинки в суму тихохонько.

Только вечер настал, Иван-богатеёй прибежал.

— Где был, Иван? Что достал, Иван?

— Был, братец, у мороза, а достал чудесную суму. Только скажешь: «Двое из сумы!» — двое выпрыгнут, что надо сделают.

— Ах, братец, Иван-бедняк, дай мне сумочку на один денёк! У меня крыша развалилась, починить некому.

— Бери, Иван-богатеёй!

Принёс Иван-богатеёй суму к себе домой, двери запер.

— Двое из сумы!

Как выскочат, как выпрыгнут из сумы две дубинки сосновые, как начнут Ивана-богатея бить, приговаривать:
— Не обижай, богач, бедняка! Отдай, богатей, Ивану скатерть да козу.

Прибежал Иван-богач к бедняку, а дубинки за ним.

— Спаси, братец! Отдам тебе и скатерть-самобранку, и козу.

— Двое в суму! — крикнул Иван-бедняк.

Дубинки и спрятались в суму. Еле живой Иван-богатея домой пришёл, отдал бедняку скатерть-самобранку и козу-золотодойку.

Стал Иван-бедняк с детками жить-поживать, добра наживать. Теперь семеро ребят — все на лавочке сидят, кашу пшённую едят. Ложки крашеные, каша масляная.

МАРКО БОГАТЫЙ И ВАСИЛИЙ БЕССЧАСТЛИВЫЙ

некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец пребогатый. Столько было у него добра, что прозвали его: Марко Богатый. Была у него дочка трёх лет от роду — Анастасия Прекрасная.

Марко Богатый человек был злой, жестокий, нищих терпеть не мог. Только подойдут нищие к окошку, он сейчас велит их собаками травить. Вот раз подошли к его окошку два старичка седеньких. Закричал на них Марко Богатый, велел слугам спустить на них злых собак. Заплакала тут Настенька:

— Родимый мой батюшка, не вели их собаками травить, пусти их хоть в старой бане переночевать.

Ну, пустил их Марко Богатый в скотную избу. Ночью, как все заснули, пожалела Настенька старичков, хотела им хлебушка снести.

Подошла к избе и слышит: один старичок другому говорит:

— Сейчас в селе Дальнем родился у бедняка сын. Какое дадут ему имя и какое будет у него счастье?

А другой старичок отвечает:

— Имя его будет Василий, прозвище — Бесщастный, сердце доброе, и получит он богатство Марка Богатого, у которого мы ночуем.

Побежала Настенька к отцу, разбудила его и рассказала всё, что в скотной избе слышала.

Рассердился Марко Богатый, разгневался Марко Богатый, хочет он дело сам проверить. Запряг карету, никого из слуг с собой не взял и поехал в село Дальнее.

Приехал туда и спрашивает:

— Родился ли у вас в селе вчера мальчик?

— Родился, — люди говорят, — у самого бедного крестьянина. Дали ему имя Василий, а прозвище Бесщастный, потому что никто к отцу его бедняку в кумовья не идёт.

Марко Богатый и говорит:

— Буду я ему крёстным отцом, одарю своего крестника всяким добром.

Велел Марко изготовить богатый стол. Принесли мальчика — всю ночь пировали, веселились.

На другой день Марко Богатый призвал к себе бедняка крестьянина и говорит:

— Куманёк! Ты человек бедный, сына кормить тебе нечем, отдай ты мне его. Я его в люди выведу и тебе за это тысячу рублей дам.

Старик подумал-подумал да и отдал сына.

Вот Марко наградил старика, взял ребёнка, закутал в лисью шубу, положил в карету и поехал. Дело было

зимой. Вот заехал Марко Богатый в чистое поле — белые снега, вывернул ребёнка из лисьей шубы, прямо в снег бросил.

— Владей, — говорит, — тут моим богатством!

День прошёл, и другой прошёл. На третий день ехали той дорогой купцы с обозами, услышали, что кто-то в чистом поле смеётся. Удивились, залюбопытствовались.

Повернули коней в чистое поле и видят: среди снега зелёный луг, а на том лугу ребёнок сидит, лазоревыми цветами забавляется.

Испугались купцы, взяли ребёнка бережно, в меха завернули, дальше поехали.

Тут буран начался, вьюга замела, кони идти не хотят.

А невдалеке дом стоит Марко Богатого. Ну, купцы к нему и заехали буран переждать. Марко Богатый их спрашивает:

— Что вы зимой с малым ребёнком ездите?

Купцы ему всё рассказали. Он сразу и догадался, что это Василий Бессчастный.

Рассердился, а виду не показал.

Стал он угощать купцов дорогой едой и напитками, стал их просить, чтобы отдали ему мальчика.

Ну, те согласились.

Повесили люльку в горенке, положили в неё мальчика. Настенька от него ни на шаг не отходит: всё любит, забавляется.

На третью ночь, когда Настеньку сон сморил, прокрался Марко в горницу, взял мальчика, посадил его в бочонок, засмолил да и сбросил с пристани в воду. Вот бочонок всё плыл да плыл по морской волне да и приплыл к острову.

А на том острове жил рыбачок-старичок. На ту пору

вышел он верши ставить, увидел бочонок, разбил его, а в бочонке дитя.

Принёс рыбак Васю в свою избушку. Жил Василий у него шестнадцать лет. Собою стал пригож да высок и умом остёр.

В ту пору Марко Богатому случилось ехать в иное царство, в иное государство, и заехал он по пути на остров. Увидал он там Василия Бессчастливого, стал про него расспрашивать.

Рассказали ему, как мальчика в бочке нашли.

Испугался Марко Богатый. Стал просить рыбака:

— Отпусти со мной этого мальчика. Я его сделаю своим приказчиком.

— Нет, — говорит рыбак, — мне и самому нужен помощник.

А Марко Богатый всё просит да просит:

— Отпусти со мной этого мальчика. Я дам тебе за него двадцать пять тысяч рублей.

Ну, и отпустил рыбак с ним Василия Бессчастливого.

Марко Богатый сам дальше ехать собрался, а жене написал такое письмо: «Жена, как получишь моё письмо, пошли этого мальчика на мыльный завод. Пускай рабочие толкнут его в кипучий котёл. Да смотри выполни: этот малец для меня большой злодей».

Дал Марко Василию это письмо и говорит:

— Вези это письмо к моей жене, она будет знать, что с тобой делать.

Пошёл Василий путём-дорогою, встретил в лесу седенького старичка.

— Куда ты, Василий Бессчастный, путь держишь?

— В дом Марко Богатого, к его жене с письмом иду.

— Покажи-ка письмо!

Поглядел старичок на письмо, дунул на него и говорит:
— Иди дальше, Василий Бессчастный.

Вот Василий пришёл в дом Марко Богатого, отдал письмо жене. Прочла жена и задумалась. Позвала к себе Настеньку и говорит:

— Погляди, Настенька, что в письме отец пишет.

А в письме написано: «Жена, как только получишь это письмо, обвенчай Настеньку с этим молодцом, а не сделаешь — отвечать будешь!»

Поглядела Настенька на Василия, очень он ей понравился.

— Что ж, — говорит, — маменька, надо слушаться.

У них не мёд варить, не пиво курить! Честным пирком да за свадебку. Повенчали Настеньку с Василием.

Вот время проходит. Приезжает Марко Богатый. Увидал дочь с зятем, чуть жену не убил.

— Ты, — говорит, — что наделала?

— Что ты велел, то и сделала.

Показала она ему письмо.

Его рукой написано, а слова не те.

Пожил Марко с зятем месяц, другой и третий. Раз вызывает он к себе Василия и говорит:

— Иди, Василий, за тридевять земель, в тридешатое государство к царю Змею Горынычу, получи с него деньги, что он должен мне двенадцать лет, и узнай там о двенадцати моих кораблях, что пропадают целых три года. Завтра же поутру в путь отправляйся.

Рассказал всё Василий Бессчастный жене. Заплакала горько Настенька, а перечить отцу не посмела.

Вот рано утром взял Василий котомочку сухариков и калиновый посошок и в путь отправился.

Шёл он путём-дорогою долго ли, коротко ли, дорогами

проезжими, тропами лесными и лёг ночевать под зелёный дуб.

Вдруг слышит, кто-то зовёт его:

— Василий Бессчастный, куда идёшь?

Поглядел во все стороны — нет никого.

— Кто меня кличет?

— Я, дуб зелёный, спрашиваю: куда ты идёшь?

— Я иду к Змею Горынычу брать с него деньги за двенадцать лет.

Дуб и говорит:

— Будешь у Змея Горыныча — обо мне, Василий Бессчастный, вспомни. Триста лет я стою, весь внутри изгнил. Спроси Змея Горыныча: долго ли мне ещё маяться?

— Хорошо, — Василий говорит, — я тебя вспомню.

На другой день к вечеру дошёл Василий Бессчастный до широкой реки. Плывёт по реке лодочка, стоит в лодочке перевозчиком старый дед, до колен борода.

Сел Василий в лодочку, а перевозчик его и спрашивает:

— Куда ты, Василий, путь держишь?

— К Змею Горынычу.

— Вспомни меня там, добрый человек. Перевожу я людей на этой лодочке тридцать лет и три года, старые кости покоя просят. Спроси Змея: долго ли мне ещё маяться?

— Хорошо, — говорит Василий, — спрошу.

Вот приходит Василий к морю. Через море лежит рыба Кит. По ней люди идут, по ней кони бегут.

Спрашивает рыба Кит:

— Василий Бессчастный, куда идёшь?

— К Змею Горынычу.

— Вспомни обо мне, добрый человек. Лежу я на море

сотню лет. Топчут меня конные и пешие. Спроси Змея: долго ли мне мучиться?

— Хорошо, — говорит Василий, — спрошу.

Вот пошёл Василий дальше.

Шёл-шёл, пришёл на зелёный луг. На лугу большой дворец из человечесьих костей выстроен.

Зашёл Василий во дворец, ходит по богатым горницам. Нигде голоса не слышать, человека не видеть.

Приходит он в последнюю горницу, видит у окошечка девицу-красавицу. Как увидела она Василия, расплакалась.

— Ты что за человек? Зачем в этакое страшное место зашёл?

Рассказал ей Василий всё, а она и говорит:

— Не за деньгами ты сюда пришёл, а Змею Горынычу на съедение. Да какими путями ты шёл? Не встречал ли кого? Не слышал ли чего?

Рассказал ей Василий про дуб, про Кита, про перевозчика.

Вдруг шум пошёл, дворец задрожал.

Говорит девица-красавица:

— Змей Горыныч летит. Садись в сундук да и слушай, что мы говорить будем.

Сел Василий в сундук, затаился, дышать боится.

Влетел в горницу Змей Горыныч, зарычал, зафыркал:

— Что здесь русским духом пахнет?

Отвечает ему девица-красавица:

— Сам ты на Руси летал, русского духу нахватался, а с меня спрашиваешь.

Змей прилёг на постель, а девица рядом села, ему говорит:

— Змей-батюшка, какой я без тебя сон видела! Будто

иду я по дороге и кричит мне дуб зеленый: «Долго ли мне, девица, ещё стоять?»

— Ему стоять до той поры, как подойдёт к нему кто да толкнёт ногой. Тогда он вырвется с корнем, а под ним злата и серебра, драгоценных камней и скатного жемчуга больше, чем у Марко Богатого.

— А ещё пришла я к реке, и спрашивает меня перевозчик: долго ли ему перевозить?

— Пусть он сунет кому-нибудь в руки весло, оттолкнёт лодочку от берега. Тот и будет вечно перевозчиком, а он на покой уйдёт.

— А ещё будто шла я по морю, а меня Кит-рыба спрашивал: долго ли ему лежать?

— Пускай выплюнет двенадцать кораблей Марко Богатого, тогда в воду пойдёт, и тело его заживёт.

Сказал это всё и заснул Змей Горыныч крепким сном. Девица выпустила из сундука Василия Бесчастливого и говорит:

— Беги скорей, пока он крепко спит.

Побежал Василий Бесчастный, добежал до моря-океана, до Кита-рыбы. Кит-рыба его и спрашивает:

— Говорил ли обо мне Змею Горынычу?

— Выплюнь двенадцать кораблей Марко Богатого.

Плюнул Кит-рыба, и двенадцать кораблей пошли на всех парусах совсем невредимы.

Дошёл Василий до перевозчика. Первозчик его и спрашивает:

— Говорил ли обо мне Змею Горынычу?

— Говорил, — отвечает Василий, — только сначала перевези меня, а потом и ответ держать буду.

Переехал Василий на другой берег, выпрыгнул из лодки и говорит:

— Кто к тебе первый придёт, сунь ему весло в руку, оттолкни лодку от берега, тогда и на покой пойдёшь.

Пришёл Василий Бессчастный к зелёному дубу, толкнул его ногой. Дуб свалился. Под ним золота и серебра, камней драгоценных и скатного жемчуга нет числа.

Оглянулся Василий. Видит: плывут прямо к берегу двенадцать кораблей.

Приказал Василий матросам отнести на корабль золото и серебро и драгоценные камни и домой поплыл.

Как увидел Марко Василия живого и здорового, да с несметным богатством, так разгневался, что и меры нет.

Вскочил на коня, к Змею Горынычу поскакал, доскакал до реки, сел в лодочку. Сунул ему перевозчик в руку весло, сам из лодочки выпрыгнул.

Остался Марко Богатый вечным перевозчиком. До сих пор людей перевозит.

А Василий Бессчастный стал с Настенькой жить-поживать, добра наживать.

СОДЕРЖАНИЕ

Финист — ясен сокол	5
Марья Моревна	17
Белая лебёдушка	30
Серебряное блюдечко и наливное яблочко . . .	36
Белая уточка	44
Морской царь и Елена Премудрая	51

Ненаглядная красота	65
Медное, серебряное и золотое царства	80
Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня	94
Бой на Калиновом мосту	107
Покатигорошек	120
По колено ноги в золоте	134
Кузьма Скоробогатый	143
Два Ивана	154
Марко Богатый и Василий Бесщастный . . .	163

Литературно-художественное издание
Для дошкольного возраста

БЕЛАЯ ЛЕБЕДУШКА

Русские волшебные сказки

Обработка И. Карнауховой

Ответственный редактор А. П. Ефремов.
Художественный редактор И. Н. Косарева.
Технический редактор Т. С. Тихомирова.
Корректор Н. Н. Жукова.

ИБ 12962

Сдано в набор 28.01.91. Подписано к печати 15.10.91. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 75,6. Уч.-изд. л. 12. Тираж 100 000 экз. Заказ № 801. Отпускная цена — 10 руб. Республиканское издательство детской и юношеской литературы «Лицей» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, 6. Издание подготовлено совместно с Ассоциацией творческой интеллигенция «Мир культуры». Балтийский филиал. 191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Министерства печати и массовой информации РСФСР. 193036, Санкт-Петербург, 2-я Советская, 7.

- © Забирохин Б. Иллюстрации. 1991
- © Издательство «Детская литература». Состав. 1991

